

**ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ**

1993

6

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУҚ РЕСПУБЛИКИ ЎЗБЕКИСТАН

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

1993

6

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. по 12 номеров в год

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
1993

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акад. АН Узбекистана И. И. ИСКАНДЕРОВ (*главный редактор*), акад. АН Узбекистана А. А. АСКАРОВ (*зам. главного редактора*), акад. АН Узбекистана С. К. КАМАЛОВ, акад. АН Узбекистана Ш. З. УРАЗАЕВ, акад. АН Узбекистана М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, акад. АН Узбекистана Э. Ю. ЮСУПОВ, чл.-кор. АН Узбекистана А. А. АГЗАМ-ХОДЖАЕВ, чл.-кор. АН Узбекистана Б. А. АХМЕДОВ, чл.-кор. АН Узбекистана Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), чл.-кор. АН Узбекистана А. Х. ХИКМАТОВ, чл.-кор. АН Узбекистана М. Ш. ШАРИФХОДЖАЕВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН, доктор ист. наук Р. Я. РАДЖАПОВА, доктор юр. наук Х. Р. РАХМАНКУЛОВ, доктор ист. наук Г. Р. РАШИДОВ, доктор ист. наук А. У. УРУНБАЕВ, доктор экон. наук К. А. ХАСАНДЖАНОВ, доктор филос. наук С. Ш. ШЕРМУХАМЕДОВ, доктор ист. наук А. М. ЮЛДАШЕВ, Б. И. КНОПОВ (*ответственный секретарь*)

Адрес редакции: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 32-73-29, 4-83.

А. Х. ХИКМАТОВ, В. М. ШЕПЕЛЕВ

ВОПРОСЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К РЫНКУ

Сложное состояние экономики, предшествовавшее переходу ее на рыночные отношения, не способствовало внедрению в производство научно-технических и технологических новшеств, без чего нельзя рассчитывать на успех реформ. Разработка и реализация комплекса целевых республиканских, отраслевых и региональных программ, позволяющих Узбекистану обеспечить конкурентоспособный выход на мировые рынки, наталкивается на дефицит государственных средств и неразвитость рыночных структур в области инновационной деятельности.

В условиях перехода к рынку у ряда экономистов сложились представления, что мероприятия по внедрению научно-технического прогресса будут финансироваться предприятиями из их прибылей или за счет кредита. Однако в рамках более крупных систем (отрасль, регион) может возникнуть первоочередная потребность в осуществлении мероприятий научно-технического прогресса не на тех предприятиях, у которых накоплены для этого средства, а на предприятиях с устаревшей материально-технической базой, выпускающих продукцию, не пользующуюся достаточным спросом, и не имеющих в связи с этим собственных средств для инновационной деятельности.

Обоснование источников финансирования инновационной деятельности предприятий должно основываться на объективных закономерностях формирования издержек освоения новой техники, для осуществления которых необходимо наличие денежных средств, выступающих исходной формой кругооборота производственных фондов, участвующих в освоении. Результатом этого процесса являются не только предметы труда, обладающие свойствами производственного продукта (партии готовой продукции, оснастка, инструмент и др.), но и достижение передового технического, технологического, организационного обеспечения производства, отвечающего требованиям рынка. Затраты на инновации возмещаются в течение всего срока производства той продукции, для выпуска которой они осуществлены, входя в стоимость готовых изделий равными долями в каждом кругообороте производственных фондов.

Специфический способ оборота средств финансирования инновационной деятельности характеризуется перенесением массы издержек на стоимость всего объема производимой продукции, принятием этой перенесенной стоимостью денежной формы и накоплением этих денежных средств в целях последующего их привлечения для новых инновационных мероприятий.

Перенесенная на весь объем производимой продукции стоимость, возникающая в результате реализации издержек на осуществление инноваций, находит свое денежное возмещение в виде соответствующих отчислений (в фонд развития производства, науки и техники; единый фонд развития науки и техники; выплаты банкам за использованный

кредит), которые накапливаются в виде денежного резерва долями, пропорциональными объему реализации продукции.

Оборот средств финансирования издержек на инновационную деятельность завершается возобновлением их в первоначальной денежной форме за счет отчислений, возмещающих производственные затраты.

В этой связи можно выделить важную закономерность: поскольку издержки на инновационную деятельность распределяются на весь объем производимой продукции и возмещаются по мере ее выпуска; постольку финансирование инноваций состоит не в безвозмездной компенсации расходов, а в авансировании средств. Поэтому оборот средств финансирования инноваций включает в себя процесс формирования издержек и процесс возмещения последних, т. е. процесс воспроизводства авансированных средств.

Источники формирования средств для финансирования издержек на инновационную деятельность могут образовываться следующим образом:

— во-первых, за счет накапливаемых на разных уровнях производственной иерархии единой хозяйственной системы (предприятие—отрасль) отчислений, возмещающих ранее авансированные средства. Эти отчисления целесообразно использовать для новой инновационной деятельности еще до момента полного возмещения авансированных ранее средств, чтобы не допускать их временного выбытия из оборота производственных фондов;

— во-вторых, за счет привлечения дополнительных средств, когда либо рассмотренный выше источник недостаточен для полного финансирования работы по внедрению новшеств науки и техники, либо появляются новые производства и отрасли.

Наличие относительно обособленного оборота средств финансирования инновационной деятельности, значительный временной промежуток между актами финансирования издержек и их окончательным возмещением порождают возможность концентрации в фондах предприятий, объединений и министерств временно неиспользуемых финансовых ресурсов, накапливаемых для осуществления крупномасштабных мероприятий.

Наделение предприятий средствами для освоения достижений науки и техники ранее осуществлялось в различных сменявших друг друга в практике хозяйствования формах: дополнительные оборотные средства («расходы будущих периодов»); заемные средства; специальные фонды предприятий и отраслей (фонд освоения новой техники; единый фонд развития науки и техники; фонд развития производства, науки и техники). Источниками образования указанных форм были как себестоимость (дополнительные оборотные средства, фонд освоения новой техники), так и прибыль (остальные фонды).

В настоящее время фонд развития производства, науки и техники заменил другие источники финансирования работ по новой технике. Из этого фонда финансируется весь комплекс мероприятий по освоению научно-технических новшеств. Вместе с тем существующие нормативы отчислений в фонд развития производства, науки и техники не обеспечивают достаточных его размеров, поскольку они не увязаны с действительной потребностью предприятий, ибо нормативы отчислений определяются не по конкретным видам продукции, а устанавливаются средним соотношением общих затрат, покрываемых из данного фонда по отраслям или видам производства и прибыли.

Несмотря на увеличение объема средств, выделяемых предприятиям из централизованных фондов, не все фактические затраты на освоение научно-технических новшеств покрываются за счет специальных источников. Так, по объединению «Узбектекстильмаш» фактиче-

ский перерасход средств на освоение выпуска новой техники составляет ежегодно до 25% средств, полученных из централизованного фонда. В подобных случаях предприятия списывают разницу затрат против утвержденной сметы на себестоимость продукции.

В среднем необеспеченность предприятий электротехнической промышленности Узбекистана в средствах для финансирования фактических затрат на освоение составляла в 1986—1991 гг. от 10 до 100%. В то же время у предприятий и объединений химического и нефтяного машиностроения, машиностроения для легкой, пищевой промышленности республики величина средств фонда развития производства, науки и техники превышала фактические их затраты, и предприятия использовали их на пополнение оборотных средств.

Деление средств фонда развития производства, науки и техники на техническое перевооружение, расширение, реконструкцию и модернизацию зачастую носит условный характер. И хотя в работах юристов и экономистов неоднократно предлагается перейти к системе нормативного определения основных направлений использования средств путем выделения субфондов по каждому направлению, мы считаем, что выбор направления развития за счет собственных средств должен быть делом самого предприятия. В этой связи установление долговременных плановых соотношений направлений использования средств фонда развития производства, науки и техники: на прикладные исследования и разработки, на освоение и внедрение научно-технических новшеств — теряет свое значение.

Курс на максимально возможную пропорциональность и сбалансированность народного хозяйства во всех его основных звеньях на основе отраслевого принципа управления привел к их монополизму на производство отдельных видов продукции в результате невозможности свободного доступа в любую отрасль новых производителей и продавцов, что, в конечном итоге, предопределило экономическую неэффективность производства, торможение технического прогресса.

Высокие темпы увеличения амортизационного фонда и прибыли по сравнению с ростом объемов выделяемых капитальных вложений, возможности их внутриотраслевого перераспределения не создавали у коллективов предприятий заинтересованности в привлечении кредита для финансирования затрат по освоению научно-технических новшеств, хотя с 1977 г. ссуды банка стали одним из обязательных источников финансирования при недостатке собственных средств. В результате, например, по машиностроительным предприятиям доля долгосрочных кредитов в источниках финансирования капитальных вложений не превышала 3%.

Оставление в распоряжении предприятий всех амортизационных отчислений и не менее половины прибыли в условиях рыночных отношений позволит им вкладывать временно свободные средства под достаточные проценты в банки, инновационные фонды, процентные бумаги, что станет новым, рыночным средством перераспределения капитальных ресурсов.

В настоящее время при приобретении оборудования наблюдается дисбаланс денежного обращения, связанный с избытком накапливаемых средств по отношению к реальным возможностям их товарного накопления. В результате наращивания инфляционных тенденций объективно возрастает роль нетрадиционных форм финансирования научно-технического прогресса.

Реализация поставленных этапов перехода к рыночным отношениям задач объективно также предполагает поиск новых, рыночных форм финансирования инновационной деятельности. Такой формой мо-

гут стать республиканские, региональные и отраслевые инновационные фонды.

Достоинство новых инвестиционных структур, основанных на инновационных фондах, состоит в том, что они обеспечивают концентрацию средств, необходимых для внедрения научно-технических новшеств, на основе совмещения государственных и предпринимательских интересов.

Необходимым условием создания и функционирования инновационного фонда является порядок аккумуляции и расходования средств, основанный на коммерческих отношениях между предприятиями-пайщиками. В инновационном фонде могут концентрироваться вклады предприятий как в виде покрытия ссуды, так и в форме накопления (сбережения) временно избыточных средств, на которые устанавливаются проценты по вкладу.

Государство может делегировать инновационному фонду права государственного подчинения. Государственная доля в установленном капитале фонда имеет привилегированный статус: на нее в обязательном порядке ежеквартально выплачиваются дивиденды в размере средней депозитной ставки.

Средства инновационного фонда целесообразно использовать для финансирования на возмездной основе отраслевых, региональных и республиканских программ с применением в качестве кредитного обеспечения республиканской и муниципальной государственной собственности.

Следовательно, стоимостной объем госсобственности позволяет за счет кредитной политики активно стимулировать развитие инновационных фондов в различных сферах экономики. В той же степени в качестве средства обеспечения кредитов из инновационного фонда могут выступать объекты приватизируемой госсобственности.

Учредителями инновационных фондов на республиканском и региональных уровнях могут выступать Минфин и Госкомимущество и соответствующие структуры в регионах. Основной частью государственной доли в уставном капитале инновационного фонда явится приватизируемая госсобственность. Остальную часть уставного фонда могут составлять свободные денежные средства негосударственных структур, в том числе частный отечественный и иностранный капитал. Иностраный капитал позволит расширить инновационные процессы, будет способствовать формированию рыночной инфраструктуры.

Следовательно, республиканские и региональные фонды осуществляют коммерческую кредитно-страховую деятельность, обеспечивая совместно с банками финансовую поддержку приоритетных программ, опираясь на республиканскую и муниципальную собственность.

Инновационные фонды представляют собой форму смешанного предпринимательства, при которой акции корпорации принадлежат государству и частным вкладчикам, а хозяйственная деятельность осуществляется на коммерческой основе.

Наиболее «жесткой» формой инновационного фонда является такая, при которой государственные структуры оказываются в более привилегированном положении как действительные члены фонда, а частные учредители — на положении членов-вкладчиков. Для подобной формы инновационного фонда могут устанавливаться планы, разрабатываемые руководством фонда совместно с министерствами и ведомствами. В свою очередь, государство может предоставлять фонду субсидии, дотации и льготы для получения импортных лицензий, гарантировать поставки сырья и полуфабрикатов по фиксированным ценам, а также рынок сбыта.

Предприятия, дислоцированные в одном регионе, могут создавать самостоятельные региональные инновационные фонды на основе добровольной концентрации временно свободных денежных средств. Эти фонды смогут стать альтернативой существующей централизованной (отраслевой) системе финансирования научно-технических новшеств. Необходимым условием создания и функционирования инновационного фонда являются изменение порядка аккумуляции и расходования средств, установление коммерческих взаимоотношений между предприятиями-пайщиками.

Размер и сроки отчислений в инновационный фонд будут устанавливаться предприятиями самостоятельно с учетом собственных возможностей и производственных нужд. Средства на образование фонда должны предусматриваться в финансовых планах (бюджетах доходов и расходов) предприятий. Органом, несущим ответственность за деятельность инновационного фонда, может быть совет директоров предприятий-пайщиков, непосредственно заинтересованных в наиболее эффективном использовании совместно накопленных средств, которые будут храниться на расчетном счету в учреждении того банка, который выбрал совет на основе договора, определяющего взаимные обязательства и ответственность сторон.

Средства, вложенные предприятием в инновационный фонд, должны быть возвращены по первому требованию вкладчика и обязательно с процентом, в зависимости от их объема и сроков использования вклада. При необходимости дополнительных средств предприятие самостоятельно составляет смету расходов кредита и представляет ее в совет фонда, который, в зависимости от срока хранения вклада и эффективности проводимых мероприятий, может дифференцировать проценты за предоставляемые фондом займы.

Кредит из инновационного фонда по сравнению с банковским кредитом имеет то преимущество, что он способствует установлению подлинно коммерческих отношений между предприятиями и фондом. Учредители инновационного фонда должны иметь льготные условия кредитования, в том числе получение дополнительных средств без установления или с установлением минимальной величины процента на них. Однако объем льготного предоставления кредита следует ограничить 20—30% общего вклада предприятия.

Такая форма резервирования средств предприятий в инновационном фонде отвечает требованиям рыночных отношений и является более прогрессивной, чем централизованные фонды министерства. Создание и функционирование инновационного фонда позволит не только осуществить накопление финансовых ресурсов для инновационной деятельности, но и обеспечить их эффективный кругооборот в пределах регионов, улучшая их воспроизводственную структуру.

А. Г. КАХХАРОВ

НЕКОТОРЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

(По материалам конкретно-социологического исследования)

Если верить старым концепциям, то в обществе должен отсутствовать антагонизм между целями общественного производства и сохранением необходимого качества окружающей среды. Однако это не так. У нас, как и во всем мире, выявляются все новые симптомы сложной экологической ситуации. В мире, насыщенном острыми противоре-

ниями, ход общественного прогресса все настоятельнее требует налаживания конструктивной, созидательной взаимосвязи между производительной и потребительной функциями народного хозяйства. Человек живет в нераздельном мире: загрязняя окружающую среду отходами производства, используя яды и химикаты в сельском хозяйстве, он не может устраниваться от них за рамками предприятия. Состояние окружающей среды — это качество жизни взрослых и детей сегодня и завтра. Общество в целом несет ответственность за природу, за гуманный труд, достойные человека условия жизни. Осознается ли эта ответственность? Как представлены проблемы экологии в массовом сознании?

Попытаемся ответить на эти и другие вопросы, опираясь на материалы конкретно-социологического исследования. Этот крупномасштабный многоцелевой проект был реализован в ряде государств СНГ, в том числе в Узбекистане.

Анализ его результатов показывает, что к числу наиболее актуальных проблем большинство населения относит, наряду с вопросами жилья, состояния торговли, здравоохранения, жизни молодежи и др., и вопросы охраны окружающей среды. На первостепенную значимость борьбы с загрязнением природы указали 56,4% опрошенных в Узбекистане, в том числе 62,9% — в Каракалпакстане. Столь же актуальной население считает и проблему улучшения работы органов здравоохранения.

Эти факты свидетельствуют, с одной стороны, о качественном состоянии природной среды: пока воздух чист и свеж, мы как-то вообще даже не замечаем, что мы дышим. С другой стороны, мы видим, что объективные условия жизнедеятельности фиксируются в сознании населения, получают соответствующую оценку и формируется определенное общественное мнение как мнение большинства людей.

Вместе с тем, по нашим данным, население разных районов Узбекистана обнаруживает некоторые различия в мнениях по данному вопросу. В нашей выборке представлены четыре региона Узбекистана. Отрицательные оценки несколько реже высказывает население Хорезмской области (г. Ургенч, поселки городского типа Гурлен и Ханки, сельские районы области) — 47,1% опрошенных, тогда как по Каракалпакстану (г. Нукус и пос. гор. типа Ханабат) — 61,1%. Примерно такую же разницу во мнениях населения мы зафиксировали по Фергане (58,9%) и Ташкенту (51,9%). В Хорезмской области население также чаще ставит «четверки» (средние оценки), чем в других регионах. Мы видим в этом отражение объективных различий в природных условиях жизнедеятельности людей в массовом сознании.

Наряду с этим на формирование общественного мнения по проблемам экологии влияет информационная активность опрашиваемых. При анализе мы выделили три группы опрошенных, соответственно уровню социальной активности. В основу различительного показателя были положены 26 форм деятельности, в которых респондент участвует в своей повседневной жизни: девять форм общественной работы, одиннадцать форм выражения общественного мнения и шесть форм в сфере приема информации. Так, к малоактивным мы отнесли 10,0% опрошенных, к умеренно активным — 78,1% и к высокоактивной группе — 11,9%. Установлено, что опрошенные с низкой информационной активностью гораздо чаще затрудняются дать оценку окружающей среды в районе своего проживания. Они же несколько чаще высказывают положительные суждения о состоянии природоохраны, чем среднеактивные, а высокоактивные не высказывают такого мнения вовсе.

Примечательно, что в группе высокоактивных велика доля людей, занятых в промышленности и просвещении. Это высшее и среднее звено управления хозяйством на уровне предприятий, учреждений и орга-

нов местной власти. В группе пассивной информированности велика доля незанятого населения (пенсионеры, домохозяйки, учащиеся). Мы приводим эти факты, чтобы показать, что состояние массового сознания по вопросам экологии зависит не только от объективных условий среды, но и от включенности опрошиваемых в различные сферы общественной жизни — от рода занятий, от участия в управлении, от степени информационной активности, от количества и разнообразия получаемой информации и от участия в ее распространении. Это обстоятельство важно не только с точки зрения экологической грамотности. Оно является также свидетельством развития коллективистских форм мировоззрения. Осознание проблемы загрязнения природы выделяет тех людей, которые способны увидеть отдельные последствия производства, могут идентифицировать себя с окружающим сообществом и размышляют об условиях совместной деятельности, т. е. могут взглянуть на положение дел широко, обобщенно. Для этих людей, между прочим, характерны и более развитые информационные интересы: в газетах их интересуют 7—8 тем — против 4—5 тем у тех, кто не придает особого значения проблемам экологии.

Привлекает внимание та группа опрошенных, которые дают охране природы в регионе среднюю оценку и при этом проявляют умеренную активность в политико-производственной сфере (17,9% опрошенных). У них заметно ниже интерес ко всему комплексу проблем социальной сферы (торговля, жилье, строительство, благоустройство).

Общественное мнение по проблемам экологии является отражением объективной реальности и в том смысле, что оно, равно как и большинство природоохранных мероприятий, носит констатирующий характер. В большинстве случаев речь идет об эффективном реагировании на нарушенный экологический баланс, об устранении последствий нанесенного природе ущерба. А это не упреждающее, а постфактумное воздействие. Создание дополнительных учреждений и ведомств по охране природы отражает усиление нашей обеспокоенности качеством окружающей среды, но не свидетельствует о развитии нового качества мышления по проблемам экологии. В общественном сознании при обсуждении вопросов экологии зачастую проявляется дистанцирование высказывающего мнения, от реально действующих лиц, как будто вред природе наносят некие люди, к которым говорящий не имеет никакого отношения. По мнению населения, из девяти оцениваемых сфер жизни (труд, образование, отдых, семья, здравоохранение и т. д.) наименьшие возможности имеются у него в сфере создания здоровой природной среды обитания.

Вместе с тем следует отметить значительную долю затруднившихся дать ответ по этим вопросам. Из этого следует, что аспекты оздоровления внешней среды, кардинального изменения условий жизни людей непривычны для массового сознания.

Это нашло свое отражение в концепции ограниченной ответственности человека за сохранность природной среды, которая в бывшем Союзе утверждается с середины 60-х годов. Эта концепция исходит из примирения с негативными последствиями технологического развития производства и расценивает негативные экологические явления как неизбежную расплату за узкий кругозор и слабое прогнозирование, а также скупость, проявляющуюся в материальных затратах в ущерб человеческому здоровью при принятии решений в народном хозяйстве. Эта концепция, по мнению П. Г. Олдака, была связана с двумя очень важными позициями в мировоззренческом плане: стремлением решать задачи охраны окружающей среды преимущественно в рамках государственной системы и решать эти проблемы в отрыве от всех осталь-

ных программ развития производства и совершенствования общественной жизни¹.

Концепция ограниченной ответственности человека за охрану окружающей среды, характерная для всего международного сообщества, особенно ярко проявилась на территории бывшего Союза и находила свое отражение в характере экологической политики. А в результате общественное мнение воспринимает экологическую политику как задачу и род деятельности определенных государственных структур, не предполагающей активного участия населения в ее формировании. Населению, дескать, остается лишь одобрять или не одобрять соответствующие меры и государственные инвестиции в этой области.

Данные нашего опроса показывают, что охрана окружающей среды во многом еще воспринимается общественным мнением по-старому, как якобы сугубо государственная забота, никак не связанная с ответственностью конкретных индивидов. Отмеченное выше дистанцирование говорящего о проблемах экологии от реально загрязняющих окружающую среду и наносящих себе же вред субъектов действий выражает принцип авторитарного мышления: ответственность за это, дескать, несет некто другой. Такое отношение дополняется экологической безграмотностью значительной части населения.

Кроме того, проблемы экологии существуют в общественном сознании как локальные, решаемые в рамках специальных ведомств, а не комплексные. Весьма важно и глубокое осознание проблемы экологии руководителями разного уровня. Ведь ущерб окружающей среде наносится не только в результате аварий или стихийных бедствий, но нередко и в результате серьезных ошибок в хозяйственной деятельности или некомпетентного планирования.

Забота о сохранении окружающей среды, о здоровье населения — это проявление коллективистских форм мировоззрения. Казалось бы, «командирам производства» эти характеристики должны быть присущи в еще большей мере, чем рядовым работникам. Однако результаты нашего опроса этого не подтверждают.

Судя по данным опроса, большинство населения все глубже осознает значимость всемерной охраны природы, но административно-управленческим методам решения этой актуальнейшей проблемы опрошенные придают гораздо большее значение, нежели роли общественности, в том числе — личного участия опрошенных в практическом решении экологических проблем.

И вообще следует констатировать, что в вопросах охраны окружающей среды собственное мнение людей не стало еще развернутым и аргументированным. Оно во многом определяется всякого рода стереотипами (вроде: «с экологией плохи дела» и т. п.). Активность индивида как субъекта социальной политики в этой области пока невелика. А отсюда вытекает необходимость всемерного расширения информирования общества о состоянии окружающей среды, ликвидации экологической неграмотности масс, всемерного вовлечения широкой общественности в активную борьбу за охрану окружающей среды, за строжайшее соблюдение конституционных норм и законов, нацеленных на правильное использование естественных ресурсов и защиту природы от негативного воздействия любых факторов антропогенного порядка.

¹ Олзак П.Г. Колокол тревоги: Пределы бесконтрольности и судьбы цивилизации. М., 1990. С. 8.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ БЕРДАХА

Бердах занимает весьма важное место в истории литературы, культуры, общественной мысли каракалпакского народа XIX в. Он вышел в нее как великий поэт, выдающийся мыслитель. В его творчестве воплотились все важнейшие достижения многовековой культуры, литературы, прогрессивной общественной мысли каракалпакского народа.

Творчество Бердаха заслужило большое внимание, признание и высокую оценку видных ученых, писателей, деятелей культуры, как профессора П. П. Иванов, С. П. Толстов, Н. А. Баскаков, И. М. Муминов, М. М. Хайруллаев, Х. П. Вахидов, Т. О. Чарыев, К. К. Юдахин, Л. Климович, В. Ю. Захидов, М. К. Нурмухамедов, С. К. Камалов, И. Т. Сагитов, Ж. Базарбаев, К. Максетов и многие другие.

Каракалпакские ученые К. Худайбергенов, С. Серимбетов, У. Алеуов, М. Тлеумуратов в своих работах раскрывают этические, антиклерикальные, общественно-политические, педагогические взгляды Бердаха, высоко оценивают его произведения как источник по истории каракалпакского народа. Значительным вкладом в бердаховедение стала монография К. Худайбергенова «Мировоззрение Бердаха», в которой наряду с анализом общественно-политических, философских и этических воззрений Бердаха подвергаются анализу его эстетические взгляды.

Работы указанных авторов имеют актуальное значение в бердаховедении, но все же в них уделено недостаточно внимания анализу эстетических воззрений поэта-мыслителя, которые заслуживают специального глубокого, комплексного изучения.

Бердах (Бердимурад) Каргабай улу (1827—1900) родился в местечке Аккала, расположенном на территории нынешнего Муйнакского района Республики Каракалпакстан, в семье бедного рыбака.

Первоначальное образование будущий поэт получил в аульном мектебе, затем учился в медресе Каракум шана, которое, однако, по тяжелым семейным обстоятельствам он не смог окончить.

Творчество Бердаха охватывает историю каракалпакского народа почти на протяжении всего XIX в. Находясь под гнетом хивинских ханов и местных феодалов, каракалпакский народ был тогда в экономическом и культурном отношении слабообразован. Производительные силы находились на низком уровне. Трудовое население было пополюю неграмотным, среди народных масс царил нищета, невежество, страшные социальные болезни, уносившие жизни тысяч людей.

В ответ на жестокую эксплуатацию, гнет и произвол хивинских ханов каракалпакский народ не раз (1827, 1855—1856, 1858—1859 гг.) поднимался на освободительную борьбу. Хотя освободительному движению каракалпакского народа против хивинского деспотизма были присущи все недостатки и историческая ограниченность освободительного движения крестьян, все же оно поднимало боевой дух трудящихся, способствовало развитию у них лучших нравственных качеств: чувства национального достоинства, долга и чести, служения общему благу, любви к своей Родине. Бердах наряду с другими представителями поэтов-демократов: Кунходжой, Ажиниязов и др. — был идеологом освободительного движения каракалпакского народа.

Поэт-мыслитель в своем творчестве отразил все важнейшие исторические, социально-политические и культурные события в жизни каракалпакского общества того времени. Он старался ответить на вопросы, волнующие умы и сердца трудового народа. Прогрессивные тенденции ярко проявились в его рационалистических и просветительских идеях, демократических, патриотических, гуманистических стремлениях.

Творчество Бердаха отличается от творчества других каракалпакских поэтов-демократов сильным социально-политическим звучанием, философским содержанием. В своих произведениях поэт с позиций интересов трудового масс осуждал политические акты господствующих классов, подвергал беспощадной критике все пороки патриархально-феодалового общества, вскрывая антинародную, античеловеческую сущность царивших в нем порядков.

Бердах своим творчеством обогатил эстетическую мысль каракалпакского народа, прежде всего придав поэзии подлинно народный характер.

Бердах подходил к вопросам и целям, задачам и назначению художественного творчества с учетом того, что поэзия, художественное слово неразрывно связаны с самой действительностью, являются художественным отображением ее реалий. Поэтому, по мнению Бердаха, поэтическое произведение должно реально, правдиво отображать жизнь и только тогда его содержание и смысл запянут в душу человека. Человек находит в поэзии выражение своих дум, получает эстетическое наслаждение, вооружается оптимизмом. Бердах глубоко понимал эмоционально воздействующую на душевное состояние человека силу поэзии, поэтического слова. Эту мысль он высказывает в стихотворении «Для народа»:

«Бессильные, я силу в вас вдохну,
Вам, бедняки, я руку протяну...
Свет озарит ли отчую страну,
Я в надежде буду петь народу»¹.

Будучи истинно народным поэтом, Бердах уделяет главное внимание подлинности, правдивости произведений художественной литературы. Правдивое отображение реальной картины эпохи, социальных пороков, как полагает поэт, поможет людям труда познать жизнь, правильно ориентироваться в своих помыслах:

«Решил, что к правде обращусь я,
А от неправды отрешусь я,
На поиск истины пушусь я,
Добра для рода я искал людского»².

Бердах глубоко верил в силу своих поэтических слов, в то, что они, воздействуя на сознание человека, превращаются в духовную ценность. В стихотворениях «Для народа», «Не было», «Дни мои» он говорит об этом с искренней убежденностью:

«Рыдай Бердах, учи людей, Бердах,
Пока еще не превратился в прах.
И скажут все: «Был свет в его словах»,
Когда уже померкнут дни мои»³.

«Мы смертны все. И мой придет черед.
И песнь моя меня переживет.
Я много знаю, я смотрю вперед,
И знание все я отдаю народу»⁴.

Бердах был человеком высокого эстетического вкуса. Он — первый литературный критик в каракалпакской литературе. Будучи знаменитым бахсы, поэт тонко разбирался в музыке, сам сочинял мелодии к своим стихам, глубоко понимал силу музыки.

Исследователь каракалпакской народной музыкальной культуры Т. Адамбаева в своей статье «Бердах и каракалпакская музыка» пишет, что «созданные им мелодии «Иккимиз», «Ак шиник», «Таутиш», вариант «Кыз Минаима», «Гулзар», «Даруаз», «Бармекен», мухаллес «Каражан» и другие до сих пор сохраняют свою оригинальность»⁵.

Бердах высоко ценил искусных исполнителей народной мелодии, таких, как Акымбет, Муса, Суйеу, Шерназар, Байнияз, Еденбай бахсы, поддерживал с ними тесные творческие связи.

В произведениях Бердаха мы находим верные оценки творений великих мастеров художественного слова Востока: Навои, Физули, Махтумкули, Низами, Бедия, Фирдоуси. Их творчество способствовало воспитанию у Бердаха высокой гуманности, справедливости, нетерпимости ко всякому злу.

«От Чоркитаба я бежал.
От Навои грамотным стал.
От Физули клад мысли достал,
Красноречивых я искал.

¹ Бердах. Избранное. Ташкент, 1977. С. 34.

² Бердах. Избранное. Нукус, 1958. С. 83.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же. С. 80.

⁵ Адамбаева Т. Бердах хэм каракалпак музыкасы//Совет Каракалпакстаны. 1988. 15 апр.

Махтумкули читая строки,
Я чувствовала восторг высокий.
Стих совершенный, смысл глубокий —
Искал я то, что ярко, смело, ново»⁶.

Бердах дал высокую оценку поэтическому таланту своих соотечественников — Кунходжи и Ажиниша, выдающихся поэтов-демократов XIX в., которые во многом способствовали формированию и развитию мировоззрения Бердаха и его эстетических взглядов.

В своих произведениях Бердах с позиций подлинного демократизма выдвинул и обосновал свой эстетический идеал. Высоко оценивая преобразующую деятельность человека, он рассматривает ее в неразрывной связи этического и эстетического. В соответствии с эстетическим идеалом Бердаха, созидательная деятельность должна быть подчинена высоким нравственным нормам и принципам. Основным содержанием ее должно быть служение народу, Родине, миру на земле, дружбе между народами.

«Джигит, рожденный с львиной душой.
Всю жизнь ты посвяти народу.
Джигит, рожденный с львиной душой,
За свой народ иди в огонь и в воду»⁷.

Таким образом, эстетический идеал Бердаха — человек живой, действенный, активный носитель нравственной чистоты. Эстетический идеал Бердаха — не только его мечта, это идеал всего народа, простых тружеников.

Эстетический идеал Бердаха неразрывно связан с его представлениями о прекрасном. Поэт утверждал, что истинная красота находится в реальной действительности, в повседневной жизни, в природе. Он глубоко чувствовал это и восклицал: «Мои глаза не насытились красотой»⁸.

Говоря о том, что красота воспринимается в результате реального отношения субъекта к объективному миру, Бердах тем самым подчеркивал объективно существующую красоту в противовес религиозным воззрениям того времени, согласно которым подлинная красота — не в окружающей жизни, а в загробном мире, в раю, куда попадешь после смерти. Поэт писал: «Этот мир оказался мне лучше рая»⁹.

В понимании прекрасного поэт на первый план выдвигает человека, человеческую жизнь в тесной связи с социальными проблемами.

Человек прекрасен прежде всего в его высокой нравственности, в его моральном облике, подчеркивает Бердах, а потому он должен сочетать в себе гармонию и единство духовного благородства, нравственного облика, физического совершенства. Для него красив человек труда, красота его кроется в действительном отношении к миру, в способности созидать — строить дом, ловить рыбу, пасти скот, трудиться на пашне:

«Прольешь во имя счастья пот.
Твой честный труд не пропадет.
Хвалу тебе воздаст народ
За труд и пот когда-нибудь»¹⁰.

Продолжая традиции поэзии Востока, Бердах с большой силой, с высоким эстетическим вкусом воспеал женскую красоту. Великий мастер художественного слова в своих произведениях очень тонко описал гармонию женской красоты, связав несомненно внешнюю красоту с нравственной силой каракалпакских женщин, с их пронзительным умом. Такую галерею женских образов поэт создал в произведениях «Невестка», «Не размышляй», «Шесть девушек», в поэме «Раушан», дастане «Царь-самодур».

Возвышенное в творчестве Бердаха связано с представлениями поэта о прекрасном и передается через героические характеры. Объектами возвышенного у Бердаха были выдающиеся личности, такие, как Асан и Амангельди в поэме «Амангельди», Ерниазар бий в поэме «Ерниазар бий» — историческая личность, руководитель восстания каракалпаков против деспотии хивинского хана в 1855—1856 гг. В образе Ерниазара поэт воплотил лучшие черты родного народа, его сокровенные мечты о свободе и независимости. Эти герои — носители высоких идей, наделены прекрасными чертами человеческого характера. Во имя высоких благородных идеалов они жертвовали своей жизнью в борьбе за счастье народа, его честь и свободу. Восхищаясь подвигами народных героев, Бердах считает даже их смерть прекрасной.

⁶ Бердах. Избранное. Ташкент, 1977. С. 28.

⁷ Там же. С. 32.

⁸ Бердах. Таптамалы шигармалари. Нокме, 1987. С. 57.

⁹ Там же. С. 60.

¹⁰ Бердах. Избранное. Ташкент, 1977. С. 32.

Нет ничего более возвышенного, считал поэт, чем неустрашимый героический характер, торжествующий над враждебными силами природы и общества, служащий примером высокого подвига.

У Бердаха Эрнзар бий, Асан, Амангельди — цельные трагические характеры.

В поэме «Эрнзар бий» Бердах показывает истинно всенародную трагедию — гибель Эрнзара Алакова, защитника, любимца народа¹¹. Он с глубокой болью сокрушается по поводу гибели Эрнзара. Поэт считает его смерть священной, ибо он отдал свою жизнь за народное дело. Его смерть — трагедия для всего народа.

Так же трагична судьба Асана и Амангельди, которые сознательно жертвуют своей жизнью ради защиты достоинства родного народа.

Таких образом, трагическое у Бердаха — не следствие причин, возникших на основе личных взаимоотношений, оно органически связано с общественными, социальными проблемами.

Творчеству Бердаха не чужды ирония и сарказм, сатира и гротеск. Он высмеивает и язвительно критикует нравы богатеет, их алчность и бездушие, их духовное уродство.

Бердах был веселым, остроумным человеком. Он замечал даже самые маленькие недостатки, глупые поступки людей. Поэт, не жалея красок, высмеивал глупых, ничтожных, себялюбивых людей в стихотворениях «Ты поглядел бы на себя», «Шесть девушек», «Уфук махрем», «Хожам». Многие стихи Бердаха содержат острый юмор. В устах народа они превратились в притчи, поговорки и пословицы.

Эстетические взгляды Бердаха, проявившиеся в его поэтических произведениях, оформились под влиянием исторических, социально-экономических условий его эпохи, под влиянием устного народного творчества и прогрессивной эстетической мысли выдающихся поэтов-гуманистов Востока: Навои, Физули, Махтумкули, Бердаха и др.

В основу эстетических взглядов Бердаха легли его общественно-политические, философские и этические взгляды.

Система эстетических взглядов Бердаха сложна и многогранна; она заслуживает дальнейшего глубокого, всестороннего исследования на базе комплексного анализа творчества великого поэта-мыслителя каракалпакского народа.

У. К. Худайбергенова

¹¹ Бердах. Тантамалы шыгармалары. С. 170.

И. А. КАСТАНЬЕ КАК ИСТОРИК СРЕДНЕЙ АЗИИ

Общий объем франкоязычной историографической литературы по Средней Азии первой трети XX в. сравнительно невелик. Однако говорить об отсутствии всякого интереса к этому региону со стороны французских исследователей не приходится. Известные факты пребывания в Туркестане (1910 г.) путешественника Алмеида (материалы экспедиции которого еще предстоит выявить), есть работы археологов Мартеля (похоронен в г. Фергане), Пельо и др.

Здесь мы остановимся на работах Ж. Кастанье. Интересы его были весьма многогранны: археолог-краевед, историк, знаток древностей, этнограф, лингвист. Личность его примечательна еще и потому, что профессиональным историком он не был, но в отличие от многих других зарубежных исследователей, Кастанье долгое время прожил в Туркестане, был знаком с акад. В. В. Бартольдом, работал с В. Л. Бяткинкой и другими видными учеными, состоял членом ТКАА (Туркестанского кружка любителей археологии).

Вернувшись во Францию уже немолодым, ученый напишет в своей книге: «С этими необычными однообразными и грустными равнинами, эти плодородные оазисы и эти движущиеся пустыни — Туркестан, настоящая страна контрастов и величия. Все в нем чрезвычайно трогает...»¹

Характерно, что первыми книгами Кастанье, вышедшими после его отъезда из Туркестана, стали отнюдь не исследования по археологии. В Париже были изданы его актуальные по своей тематике работы — «Басмачи» и «Туркестан после первой русской революции (1917—1921 гг.)». Вскоре, также во Франции, вышло еще несколько его работ, посвященных современным проблемам народов Востока: «Тюркологический конгресс в Баку» (где Кастанье подробно освещает деятельность состоявшегося в Азербайджане съезда тюркских народов), в 1928 г. — брошюра «Движение латинизации в советских мусульманских республиках и в соседних странах (по материалам русской прессы)», в 1929 г. — «Движение эмансипации мусульманских женщин Востока, на примере Турции, Персии, Афганистана и Советского Союза».

В исторических трудах Кастанье, как уже сказано, представлена преимущественно современная политическая история Средней Азии, свидетелем которой зачастую был сам автор.

¹ Кастанье Ж. Басмачи. Париж, 1925. С. 4.

Небезынтересна в этой связи биография Жозефа Кастанье, или, как его называли в Туркестане, Иосифа Антоновича Кастанье. Он родился в 1875 г., окончил курс в Тулузском лицее. Приехав в Россию, стал исполняющим дела учителя французского языка в Пятигорской гимназии. В 1901 г. он выдерживает экзамены на звание преподавателя в педагогическом совете Владикавказской гимназии и учителем в частной женской гимназии, но в том же 1901 г. покидает Кавказ и переезжает с семьей в Оренбург. Став действительным членом Оренбургской ученой архивной комиссии, активно участвует в ее работе, публикует статьи и книги. Уже с 1904 г. в протоколах заседаний *Оренбургской ученой архивной комиссии* мы находим докладные записки Кастанье, составленные на основе его поездок по Средней Азии. Так, в выпуске XVI были помещены его «Отчет о поездке в Туркестан» и «Обзор археологических раскопок в Оренбургской губернии и Киргизской степи», в 1906 г. — опубликована работа «Развалины Болгаево и Челкарская степь», в 1909 г. — «Мертвые города Сунак-ата, Иен-там, Кызыл-кала». А в то же время по местным архивам он начал расследование о пропавших в киргизских (казахских) степях соотечественниках — павших французах, участников наполеоновского похода 1812 г.

История была для него музой. О чем он только ни писал: «...о надгробных памятниках..., о неолитических стоянках, в доисторические и о бог знает еще о чем»². Это «бог знает» включало и спелеологию — изучение пещер Памира, Ферганы, Бухары. Одна из брошюр Кастанье, вышедшая в 1915 г., называется «Современные успехи спелеологии и мой спелеологические поездки по Туркестану». Занимался он и этнографией — изучал обряды и верования древних народов. В брошюре «О чарующих силах, заключенных в человеке» описан сеанс шаманского лечения, присутствовать на котором ему довелось. В работе «Надгробные сооружения киргизских степей», изданной одновременно на русском и французском языках, Кастанье изложил свои впечатления и размышления, возникшие в поездке по казахским кочевьям.

Мысль о необходимости изучения исторического прошлого этого обширного региона постоянно звучит в его работах: «Кольбель античной цивилизации Туркестан проходила из века в век следующая лавина народов: скифы, массагеты, персы из Сирии, фаланги Александра, туины, арабы, турки, монголы, узбеки, русские. На этом перекрестке рас родились и процвели самые древние религии на земле...»³

Выступая на заседании ТКЛА с докладом «Археологические разведки в Бухарских владениях», Кастанье говорил: «...Чего ждут ученые-спелеологи, чтобы предпринять раскопки? Или, может, того, чтобы неумолимо время или грубая рука человека уничтожила до тла столько памятников старинным? Побольше свободы действия, поменьше требования к местным любителям археологии в смысле научной подготовки, губительной для дела. Время не ждет...»⁴

Однако при сборе археологического материала сам Кастанье старался руководствоваться научными принципами. Свидетельство тому — слова крупнейшего историка-востоковеда В. В. Бартольда: «Из частных собраний археологических предметов, с которыми мне удалось ознакомиться, можно упомянуть о собрании, принадлежащем И. А. Кастанье. Собрание является результатом многочисленных командировок и разведок и хранится в полном порядке, происхождение каждого предмета точно указано»⁵.

В 1910 г. назначенный на должность хранителя Оренбургского музея И. А. Кастанье систематизирует, приводит в порядок всю коллекцию монет и медалей, находящуюся в его ведении, и преподносит в дар музею книгу на французском языке «Телемак» из личной библиотеки А. С. Пушкина.

В августе 1912 г. Кастанье подает прошение на имя туркестанского генерал-губернатора Самсонова о перемещении его по состоянию здоровья преподавателем того же предмета в Ташкентское реальное училище. Просьба его была удовлетворена. И в Туркестане он продолжал активную исследовательскую работу, в том числе путем многочисленных командировок, экспедиций по интересовавшим его местам.

Одна из командировок Кастанье проходила в районе ж.д. ст. Карши, куда он приехал, чтобы осмотреть близлежащие курганы и познакомиться с народными преданиями. В бухарских владениях Кастанье побывал тогда не впервые. Еще проживая в Оренбурге, он приезжал туда в экспедицию.

Надо сказать, что деятельность Кастанье вызывала в среде ученых неоднозначную реакцию. Так, в «Туркестанских ведомостях» за 1914 г. появилась статья археолога Л. А. Зимина, где выступление Кастанье по поводу поездки в Ферганскую долину резюмировалось следующим образом: «Ввиду всех перечисленных недостатков, имеющих в исторической части доклада, понятно, что от описания

² Домбровский Ю. Хранитель древностей. М., 1991. С. 21.

³ Кастанье Ж. Басмачи. С. 2.

⁴ ЦГА РУз, ф. 47, оп. 1, д. 2521, л. 1—20.

⁵ Бартольд В. В. Собр. соч. Т. 8. М., 1977. С. 337.

внешнего вида развалин трудно было бы ждать каких-нибудь важных выводов и интересных сопоставлений»⁶.

За отсутствие теоретических обоснований критикует Кастанье и писатель Ю. Домбровский: «Чтобы шагнуть дальше, надо было обладать не только материальной, но еще и теоретической истинной, а откуда же мог взять Кастанье?»⁷

Впрочем, то, что вменялось в вину Кастанье, составляло «типичное credo большинства дореволюционных археологов-краеведов, склонных ограничивать свою роль рассказанием, собиранием и накоплением материалов для науки»⁸. Вместе с тем следует подчеркнуть, что записи Кастанье тщательны, с массой художественных зарисовок, схем, топографических карт, содержащих значительную исходную информацию. Полностью же «реабилитировать» его научную компетентность, думается, могут следующие замечания акад. В. В. Бартольда: «Исследователям в области археологии придется ограничиваться собиранием, охраной и внешним описанием научного материала. Попытки точно определить значение этого материала как исторического источника были бы преждевременными, пока остается неизученным большинство письменных источников, в настоящее время только отчасти доступных туркестанским исследователям, даже знающим восточные языки. Было бы вполне возможным теперь же составить археологическую карту Туркестана, на которую впоследствии могли бы заноситься поправки и дополнения, тем более, что выполнение этой работы в значительной степени подготовлено одним из недавно покинувших край исследователей — Кастанье»⁹.

Немаловажно отметить, что в Музее истории Узбекистана и сегодня хранится крупная коллекция архивных материалов и археологических предметов, в том числе фрагменты глиняной и медной посуды, светильники, терракотовые статуэтки, украшения из камня, меди, стекла, собранные в разных районах Средней Азии И. А. Кастанье¹⁰. Но часть собранной коллекции он вывез во Францию. Ее судьба нам пока неизвестна.

Доклад на объединенном заседании ТКЛА в 1916 г. был одним из последних выступлений Кастанье. Еще некоторое время после Октябрьской революции он находился в Туркестане, по-прежнему участвовал в научно-исследовательских экспедициях, работал над составлением археологической карты Средней Азии. Вместе с В. Л. Вяткиным Кастанье состоял тогда в археологической секции Комиссии по охране памятников старины и искусства, созданной при Центральном управлении архивным делом Туркестанской губернии¹¹.

... В 1918 г. ВЧК пыталась арестовать Кастанье по обвинению в участии в организации англосоветского заговора, но, будучи предупрежден, он скрылся, «затем опять вернулся в Ташкент и уехал вместе с военнопленными во Францию»¹². Произошло это, судя по документам, в 1920 г.

Будучи уже во Франции, Кастанье опубликовал в 1922 г. в журнале «Мусульманский мир»¹³ статью «Большевизм и ислам». Видимо, это самая ранняя его работа в области политической истории. В ней освещаются события, происшедшие в Туркестане, Хорезме, Бухаре с 1917 по 1922 г.: революция и первые акты советской власти, работа Наркоминца, история гражданской войны. Отдельный раздел статьи («Узбекская пресса Туркестана») посвящен журналам и газетам, издававшимся тогда на языках народов Средней Азии, — «Иккилоб» и «Кзыл байрок». Советская пресса 20-х годов вызвала на Западе значительный интерес. Кастанье, в частности, неоднократно приводит выдержки из газет «Правда», «Московские новости» и др.

Повествуя о Бухарской республике, автор пишет, что, когда большевики взяли власть в Туркестане, правительство Москвы повело активную пропаганду в Бухаре¹⁴. Этому во многом способствовала партия младобухарцев, «недовольных деспотическим режимом эмира». Кастанье отмечает, что «полную силу организация младобухарцев смогла избрать только после Российских событий 1917 года». Отсюда, считает он, и в дальнейшем закономерен был союз младобухарцев с туркестанскими большевиками¹⁵.

⁶ Туркестанские ведомости. 1917. № 150.

⁷ Домбровский Ю. Хранитель древностей. С. 21.

⁸ Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958. С. 46.

⁹ Бартольд В. В. Собр. соч. Т. 9. М., 1917. С. 549.

¹⁰ Времен связующая нить. Ташкент, 1992. С. 22—23.

¹¹ Бартольд В. В. Собр. соч. Т. 4. С. 244.

¹² Революция в Средней Азии. Сб. 1. Ташкент, 1928. С. 100.

¹³ Журнал «Мусульманский мир» (Revue du Monde Musulmen) издавался во Франции; публиковал исторические и политические статьи различных авторов, в том числе эмигрантов, касающиеся всего восточного, в частности Среднеазиатского, региона.

¹⁴ Кастанье Ж. Большевизм и ислам. Париж, 1922. С. 217.

¹⁵ Там же.

Отмечая благоприятное впечатление, созданное на Востоке отказом России от концессий в Бухаре и экономической помощью, оказанной РСФСР БНСР, Кастанье вместе с тем отрицательно оценивает политику правительства Бухарской республики и размещенных на ее территории советских войск. «Характер организованного грабежа» приобрели, по его словам, реквизиции, распространявшиеся и на бедняков. Национальное по своему составу правительство Бухарской республики, по утверждению Кастанье, не имело собственных финансов и собственной армии. К слабостям республики он относит и почти полное отсутствие там пролетариата. Говоря о «басмаческом движении», он отмечает, что к нему примкнула и часть руководителей Бухарской республики.

Как уже отмечено выше, перу Кастанье принадлежит отдельная книга, специально посвященная этому сложному явлению в истории Средней Азии, которое до недавних пор оценивалось советскими учеными сугубо однозначно, в резко негативных тонах.

Столь же отрицательно десятки лет характеризовалась у нас и книга Кастанье «Басмачи». Но так было не всегда. «Книга Кастанье представляет немалый интерес для изучения весьма сложных и запутанных событий в Туркестане в годы гражданской войны. Книга представляет особый интерес в тех местах, где автор описывает английских агентов и их измышлов — русских белогадардейцев, контрреволюционных движений в Туркестане в период с 1917—1924 годы»¹⁶, — так было оценено это произведение советскими историками в 1928 г. Тем не менее, представляющая немалый интерес книга так и осталась неиспользованной для глубокого исследования, лишь отдельные ссылки на нее мелькали у разных авторов. Причем при безапелляционности деления всех зарубежных публикаций на «объективные характеристики басмачества в зарубежной литературе» и «фальсификаторские версии» работа Ж. Кастанье решительно была отнесена к последним.

Приводя ниже отдельные фрагменты этой книги, попытаемся прокомментировать их с привлечением отрывков из работ некоторых советских исследователей, в свое время обратившихся к упомянутому труду, полный заголовок которого: «Басмачи. Национальное движение туземцев Средней Азии с октябрьской революции 1917 года до октября 1924 года».

Басмаческое движение представляло собой активную оппозицию власти Советов. Кастанье называет его национальным движением мусульманского населения Средней Азии и вместе с тем достаточно полно раскрывает степень участия в нем белой армии. «Преследуя различные цели, басмачи и русские контрреволюционеры иногда объединялись для борьбы с большевистским правительством. Эти обстоятельства позволяют рассмотреть антисоветское движение в Туркестане с двух различных сторон: первая сторона — белое антибольшевистское движение, состоящее из русских элементов под командованием офицеров старой царской армии, другая сторона — национальное движение туземцев, состоящее из мусульманских элементов под знаменами глав басмаческих мятежников»¹⁷.

Обе стороны действительно преследовали в итоге различные цели, но на ближайшем этапе, стратегически по отношению к новой власти цель их была общей и единственной — свержение этой власти. С этой точки зрения, данное движение следует рассматривать в виде единого процесса, осуществляемого двумя основными силами. Ж. Кастанье писал: «В этих условиях было трудно сделать разграничения между двумя этими силами, которые согласовывались, не смешиваясь»¹⁸. Однако сложности строения данного блока в целом этим не исчерпывались. Интересно еще одно свидетельство Кастанье: «Белый гарнизон на Памире насчитывал в общем только 120 человек, 70 из которых были чехи, венгры, немцы и турки, остальные были русские или туземцы»¹⁹. Резко выпадающие из туркестанского колорита белого гарнизона чехи, венгры, немцы и турки позволяют говорить о третьей структуре, составной частью которой были и англичане, примыкавшие к антибольшевистскому движению. «Среди главных деятелей секретной организации... находились рядом с русскими Корниловым, Назаровым, Арсеневым имена... Муллы Давлат Ахматова, Абдул Кахар-Иш-Мухаммедова; все эти деятели были в отношении, с одной стороны, с басмаческими главарями Иргашем и Ишматом и, с другой стороны, с англичанами»²⁰.

В исследовании А. И. Зевелева и др. «Басмачество: правда истории и вымысел фальсификаторов» факт действия объединенных сил против большевиков, приведенный Кастанье, трактовался не более как одна из особенностей буржуазной литературы в плане отсутствия единого мнения по рассматриваемому вопросу: «В то время, как националистические авторы (Валидов, Чокмаев) не вскрывали, но, более того, затушевывали связи басмачей с русской контрреволюцией, материалы некоторых западных авторов, в частности Кастанье, их по существу опровергали»²¹. Выс-

¹⁶ Революция в Средней Азии. Сб. 1. С. 106.

¹⁷ Кастанье Ж. Басмачи. С. 12.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 29.

²⁰ Там же. С. 26.

казание Кастанье о различии целей двух группировок также оценивалось достаточно односторонне. Упомянув о совместных действиях басмаческих банд с контрреволюционными организациями русских белогвардейцев, Кастанье при этом делал упор на то, что у них, якобы, различные цели, игнорируя этим классовый характер контрреволюционных сил, совместно борющихся с Советской властью за реставрацию феодально-буржуазных порядков²².

На классовых интересах делает акцент и К. Василевский, один из первых советских историков, обратившихся к работе Кастанье. «Говоря о различии целей, преследуемых этими двумя контрреволюционными лагерями, автор упустил наличие совпадения классовых интересов русской и местной буржуазии, одинаково боящихся социальной революции, потерю классовых преимуществ и социалистического строительства. Перед угрозой социальной революции оба контрреволюционных течения часто даже организовывались сливались воедино, как, например, союз кулаческо-крестьянской армии Моустрова с Мадаминбеком»²³.

Ситуация вначале была такова, пишет Кастанье: «...В сентябре 1919 года крестьянское правительство учредилось в Джелалабаде и Фергане. Оно включало в себя русских колонистов района Джелалабада под командованием генерала Моустрова, но оно в то же время объединялось с туземным национальным правительством курбаши Мадаминбека. Едва [оно] образовалось, все офицеры русского гарнизона в этом районе перешли в это белое правительство так же, как отряд чехов»²⁴.

Тем не менее, замечает Кастанье, «белое правительство Джелалабада не могло удержаться долгое время среди народа, который не мог относиться к нему без вражды, не оказывая ему никакой поддержки»²⁵. Так было в 1919 г., а к 1921 г., когда в прошлом богатая Фергана лежала в руинах, поля были заброшены, каналы засыпаны песком, ирригация — источник плодородия — разрушена, тогда, пишет Кастанье, «раздраженное население стало пополнять ряды басмачей»²⁶.

Говоря об Энверу во второй части своей книги, Кастанье называет его личностью, одной из самых любимых среди тех, которые вели борьбу против власти Советов. В этой связи интересен факт, приведенный Кастанье ранее, в статье «Большевизм и ислам», где он пишет, что именно Советское правительство само обратилось к Энверу с просьбой о посредничестве между властями Бухары и руководителями басмачества с целью установления мира в регионе²⁷.

В завершение работы Кастанье приводит биографический список основных лидеров басмачества, действовавших в 1917—1924 гг. на территории Средней Азии. Перечисляя зоны влияния курбашей, он характеризует и внутреннюю военную организацию сопротивленческих отрядов: «Каждый главарь [обладал] отрядом, каждый курбаши имел под своим командованием собственных инструкторов, свою кавалерию, свое оружие, свое снаряжение. Но если организация была хорошей, то вооружение было несовершенно... в действительности снаряжение было нищенское...»²⁸.

Рассматривая сущность этого движения, автор не скрывает тех многих причин и следствий, в силу которых возникло и существовало столь неоднозначное явление. Это положительно отличает его работу от других произведений на ту же тематику, как советских, так и зарубежных.

Приведенные Кастанье факты свидетельствуют о его глубоком интересе и осведомленности во многих политических вопросах того времени. Вероятно, на этом основании польский романист Б. Ясенский, также побывавший в Средней Азии и описавший события первых лет советской власти, упоминает о Кастанье как об агенте «Интеллиженс Сервис», активном участнике контрреволюционной организации²⁹. Не углубляясь в подробности данного вопроса, отметим, что подобный прием достаточно традиционен для советской литературы 30-х годов, когда статус иностранца приравнивался к положению потенциального врага.

Оспаривать полностью отношение Кастанье к иностранной разведке было бы, однако, также преждевременно, ибо приведенные им факты свидетельствуют о чрезвычайной близости его к деятельности антисоветских организаций. «Большая часть членов антисоветской организации и все те, кто имел контакт с ней, — писал Кастанье, — были схвачены и расстреляны. Иностранные подданные из группировки Антаиты не спасали положения. Ордер на арест предъявили и мне, опередив бля-

²¹ Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Шишкина Л. В. Басмачество: правда истории и вымысел фальсификаторов. М., 1986. С. 132.

²² Там же.

²³ Революция в Средней Азии. Сб. I. С. 103.

²⁴ Кастанье Ж. Басмачи. С. 29.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Кастанье Ж. Большевик и ислам. С. 219.

²⁸ Кастанье Ж. Басмачи. С. 16—17.

²⁹ Ясенский Б. Человек меняет кожу. М., 1960. С. 551.

тельность, я имел время скрыться. Английский майор Бейли и связной французский агент Капдевилл последовали моему примеру».

Существует другое свидетельство, по которому на Кастанье якобы были возложены официальные дипломатические полномочия как на представителя Франции в начальный период существования среднеазиатских республик³⁰.

В силу всего сказанного наши историки до недавнего времени обращались к работам Кастанье как к негативным историографическим источникам, «забывая», что некоторые эпизоды из воспоминаний ряда советских деятелей 20-х годов созвучны тому, что говорится в работах Кастанье. Достаточно вспомнить публикацию «Басмачество в Фергана» С. Гинзбурга, отдельные фрагменты которой по существу идентичны соответствующим высказываниям Кастанье.

На наш взгляд, весьма разнообразные по своей тематике труды Кастанье заслуживают глубокого внимания наших историографов, историков, археологов, востоковедов и др.

С. Маджи

³⁰ См.: Зевелев А. И. Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1959. С. 86.

ШИМОЛИЙ ФАРҒОНАНИНГ ҚАДИМГИ МОЗОРЛАРИ ҲАҚИДА ДОИР (ГОВАСОЙ ВА КОСОНСОЙ ҲАВЗАЛАРИ)

Қадимги Фарғона мазорлари юз йилдан ортиқ вақт мобайнида ўрганиб келинмоқда. Улар водийнинг ҳамма жугрофий ҳудудларида, яъни тақислик, адирлик, тоғ олдидан ноҳияларида учрайди. Ҳақиратдан ташқари қадимги мазорлар¹ тўғрисида шарҳиётчи Н. И. Веселовский дастлабки маълумотларни қолдирган². У маҳаллий аҳоли қурум ёки муғхона деб атайдиган Чуст яқинида жойлашган бир неча гўрларни илмий жиҳатдан текшириб кўрган. Яна муғхона, қурумлар ҳақидаги маълумотларни И. А. Кастаньеда учратамиз³. Умуман муғхона ва қурумлар чорвачиликка қўлай ерларга яқин ҳудудларда учрайдиган, ўзига хос сағанадан бўлиб, миллодий йил ҳисобининг I—VI асрларига тўғри келади. Уларнинг бири-биридан фарқи, таснифи узоқ вақтлардан буён тортинувларга сабаб бўлиб келмоқда. Бу масалаларда тадқиқотчилар ўртасида аниқ бир фикр йўқ. Қурумлар ҳам, муғхоналар ва сағана шаклида тошдан бунёд этилган бўлиб, яқка ёки бир неча киши дафни этилган бўлиши мумкин. Улар тўп-тўп бўлиб учрайдилар ва катта майдонни эгаллаганлар. Масалан, Варзак мазори майдони 200 гектаргача ерни ташкил этади. Шунинг учун биз бу мазорларни кўчманчи чорвадор гуруҳларнинг уруғ-аймоқларини дафни этидиган жой деб биламиз. Бундай мазорлар ҳозиргача баъзи чорвадор кўчманчи халқларда учрайди: айрим қирғиз уруғлари ўз қабристонларига эгадирлар. Совет даврида қурум ва муғхоналарни тадқиқ этишда СССР ФА Помир—Фарғона комплекси экспедицияси аъзоларининг хизматлари катта. Жумладан, 1950—51 йиллари ушбу экспедиция қатнашчилари бўлган М. Э. Воронец, В. И. Спришевский Говасойда бир неча муғхоналарни қазиб ўргандилар⁴. Охириги марта бу ерда Ўзбекистон Республикаси Археология институти гуруҳи илмий текширув ишларини амалга оширди⁵.

1955 йили СССР ФА Жанубий Қирғизистон археолог-этнографик экспедициясининг алоҳида гуруҳи Чотқол водийсининг Чанчархон ва Жирғатол мазорлари-

¹ Мақола Говасой ва Косонсой ҳавзаларидаги эрамининг бир миңгичи йилнинг биринчи ярми ва ўрталарига оид қадимги мазорларга бағишланган. Мақола матнидаги археологик атамаларнинг ўзбекча шаклини беришда қозирги кундаги терминлар, ёъна ва тарихий-этнографик маълумотларга таяиди. Чунки урф-одатлар узоқ вақт сақланади ва авлоддан-авлодга ўтади. Асосан ўзбеклар, тожиклар, қирғизларда қўлланиладиган дафни этиш маросими билан боғлиқ атамалар олинди. Яъни грунтвое погребение (баъзида ямное) — гўр ёки ўра гўр, подбойное погребение — ёрма гўр, катакомбное захоронение — лаҳадли гўр қабилида олинди. Қолган атамалар ҳам шу тартибда қабул қилинди.

² Луиш Б. В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Ташкент, 1979. С. 46—47.

³ Кастанье И. А. Краткое сообщение о поездке к развалинам Ахенкента и в горы для осмотра построек, известных под именем хана-и-муг//Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. XVIII (1912—1913); протокол № 4 от 30 апреля 1913 г.

⁴ Воронец М. Э. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг.//Труды Музея истории АН УзССР. Ташкент, 1954. Вып. 2. С. 53—84; Спришевский В. И. Некоторые находки из Муғхона в собрании Музея истории//Труды Музея истории АН УзССР. Ташкент, 1956. Вып. 3. С. 53—73.

⁵ Исмаилович М. Х., Баратов С. Р. Новые раскопки муғхона в Говасое//ИМКУ. 1990. Вып. 24. С. 86—93.

даги иккита муқоманн ўрғандилар ва 1974 йили қайта текшириш пайтида яна бир гуруҳ муқомалар аниқланди⁶.

Наманган ўлкаси ўрганиш музейи ходими Ю. Г. Чуланов материаллари ичида Араб қишлоғида Говасой сўла қирғоғининг тоғ ён-бағирларида маҳаллий халқ томонидан қовлаб олинган тўртта муқона ва қурум ҳақида маълумотлар учрайди⁷.

1951 йили СССР ФА Помир — Фарғона экспедицияси томонидан Говасой ва Косонсой ҳавзаларидаги муҳим ёдгорликлардан бири Гўмирон мазор—қўрғони аниқланган. 1958 йили Ю. Г. Чуланов, 1971 йили С. Раҳимов, 1973 йили Э. Қодиров каби тадқиқотчиларимиз текширув ўтказдилар. Шунинг айтили керакки, ҳозиргача 50 дан ортиқ гўр қовлаб текширилган. Бу ерда асосан лаҳадли гўрлар учрайди, фақат икки мартагина ўра гўр қайд этилган. Лаҳадли гўрлар устида тулроқ уюлиб унинг атрофи харсанг тошлар билан «ҳалқа» қилиб қўйилган, яъни ҳар бир гўр устига хос мазор—қўрғон қилинган. Айвони (русчадаги дромос сўзига тўғри келади) тўртбurchак шаклида бўлиб, унинг шимол томонидан лаҳад (русчадаги каталомба сўзига тўғри келади) қовланган. Айвони билан лаҳад ўртасида қисқа «туёнук» — йўлакча қилинган. Лаҳадга марҳум махсус тўшама (майда шағал ёки қамиш) устига юзи юқорига қилиб чалқанчасига оёқ-қўлини чўзиб ётқизилган. Гўмирондаги гўрларга бир ёки икки киши қўйилган. Бу мазор, гўрларда топилган ашёвий далиллар асосан эрамининг I—II асрлари билан белгиланди⁸.

1986 йили биз Косонсой ҳудуди ноҳиясида қисқа муддатли иш олиб бордик. Натжидада Гўмирон мазори яқинида шу вақтгача маълум бўлмаган бошқа бир мазор аниқланди, биз уни Гўмирон II деб номладик. Биз 7 та қадимий қабрлар — қўрғон борлигининг уларнинг кўпи ҳозирги пайтда гўр қовлаш вақтида бузилганлигини қайд этдик. Қабрлар бир тизимда 150—160 метр узунликда, 40—50 метр кенликда жойлашган. Уларнинг ораси 15—20 метр келади. 1986 йилги илмий қавнома пайтида қоншарли сақланган учта гўр қовлаб олинди. Улар ичида I-гўр яхши сақланган ва янча топилмаларга бой. Гўрнинг юқори қисмидаги тулроқ уюмлари ўлчамлари 8×10 метр, баландлиги 0,75 метрдан иборат. Ана шу тулроқ уюми остида тўғри тўртбurchакли гўрнинг айвони яққол кўриниб туради. Уни ўлчамларининг юқори қисми бир оз кенгайиб тубига тушган сари кичраиб боради. Лаҳад айвонининг шимол томонида қовланган. Лаҳадга ўтадиган жой — йўлакча катта-катта тошлар билан беркитилган. Лаҳад айвонга нисбатан пастроқ қилиб қовланган, унда ҳанасқ тўшама устига икки киши — эркак ва аёл қўйилган.

Лаҳаднинг айвон томонидаги қисмига қўйилган эркак кишининг жасади бўлиб чиқди. У ҳам махсус тўшама устига оёқ-қўлини чўзилтириб чалқанчасига ётқизилган, юзи ўнг (жануб) томонга қаратиб қўйилган. Жасадининг бош томонидан сопол идиш, ёноч идиш қолдиғи ва ҳайвон суяклари топилди. Қўймуч суяғи атрофида калмар тўдаси ва темир ливчоқ аниқланди. Чап оёғи ёнига хум, унинг яқинига эса ўртача катталикдаги тош қўйилган; I-гўрдаги жасад билан ёнма-ён қўйилгани аёл кишига тааллуқли бўлиб чиқди. Марҳума тўшама устига юзи юқорига қилиниб, оёқ-қўлини чўзиб чалқанчасига ётқизилган. Бош томониغا эса иккита сопол идиш, сурамтош, урчуқ, темир ливчоқ қўйилган. Қулоқларига яқин жойдан иккита бронза сирга, бўйни қисмида майда муничоқлар топилди. Марҳуманинг ўнг қўлида бронзадан ясаган узук бор эди.

Қабрдаги қатламларни диққат билан кузатиш ва жасадлар билан бирга қўйилган ашёларнинг жойлашувиини ўрганиш бу қабрдагилар бирин-кетин дафн этилган дейишга асос бўлади. Яъни дастлаб аёл киши лаҳад девори яқинроғига олдиндан, ёнидан жой қўйиб (яқин кишини учун) қўйилган. Бунга қўшимча қилиб шунинг таъкидлаш керакки, жасадлар остидаги тўшамалар ранги бир-бирдан фарқ қилади. Демак, эр-хотинини бирга қўйиш одати амалда бўлган. Гўмирон II мазори ўз топилмалари — сопол идишлари, тақинчоқлари, дафи маросимида амал қилинган қондаларга кўра, бизга олдин маълум бўлган Гўмирон гуруҳи даярига кирувчи ёдгорликлардан айтарли фарқ қилмайди. Бу ёдгорликни ҳам эрамининг бошлари билан белгилан мумкин.

СССР ФА Археология институти Ленинград бўлими катта илмий ходими Ю. А. Заднепровский 1983 йили Косонсой ноҳиясида жойлашган Мугтегана текшириш чоғида Қизил сув мазорини тонади ва битта гўр қовлаб текшириб кўрилади⁹.

Биз 1990 йили ушбу мазорни қайтадан қўриб, унда 50 га яқин қабрлар борлигини аниқладик.

⁶ Заднепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Ошской области (середина I тысячелетия до н. э. — середина I тысячелетия н. э.). Фрунзе, 1960. С. 8.; Дружинина Е. В., Заднепровский Ю. А. Исследования в Южной Киргизии // Археологические открытия 1974 г. М., 1975. С. 553—554.

⁷ Чуланов Ю. Г. Некоторые новые памятники Северной Ферганы // Советская археология. 1967. № 2. С. 245—250.

⁸ Кадыров Э. Б. Новые материалы к изучению культуры древних скотоводов Ферганы (по материалам раскопок могильника Гўмирон в 1973 г.) // Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1975. Вып. 3. С. 33—35.

⁹ Заднепровский Ю. А. Исследование древнего Кассана // Археологические открытия 1983. М., 1985. С. 531.

1983—1989 йилларда Археология институти ходими С. Баратов томонидан Говасой ва Сумарсой оралигидаги қурум ва муғхоналар текширилиб, патижада Шох, Варзик, Гова, Чимбийсой, Қўчқорота каби қадимги мазорларда кўплаб гўрлар очиб ўрганилди¹⁰.

Биз 1987—1989 йилларда академик А. А. Асқаров раҳбарлигида Поп яқинидаги Сирдарё ўнг қирғоғида жойлашган Муңқоқтепа мазорида илмий қидирув ишлари олиб бордик. Бу ёдгорлик жуда ноб бўлиб, турли хил дафи усуллари аниқлангани билан бошқалардан ажралиб туради. Мазор бир вақтлар катта майдонни эгаллаган бўлиб, ҳозир озгина қисми сақланган. Бир томонини Сирдарё ювиб кетган, бошқа томони эса ер ўзлаштириш оқибатида бузилиб бормоқда. Сақланиб қолган қисми бир неча майда тепаликлардан иборат, уларни бизлар шартли равишда Муңқоқтепа I, II, III ва ҳ. к. деб номладик.

Муңқоқтепа I (жанубий-ғарбий тепа) ва Муңқоқтепа II да (шимолӣ-ғарбий тепада) илмий қазилма ишлари олиб борилди. III тепада ер ости сағаналари аниқланди, улардан 8 таси қазиб очилди. Сағаналар майдони жиҳатидан катта ва майдага бўлинади. Уларнинг баъзиларида (I, 5, 9 сағаналар) марҳумлар қамиш тобутларга солиб қўйилгани аниқланди. Айниқса, 5-сағанадagi қамиш тобутларда ажойиб сақланган ноб археологик топилмалар қайд этилди. Тобутлар сараланган қамиш пояларининг 5—10 донасини юмалоқлаб, уларни махусе қамиш поядан тайёрланган «ин»лардан маҳкамланиб ўзига хос «брусча» — ҳодачарлар ясалган. Улар бир-бирига ёғоч миқлар ёрдамида маҳкамланиб, бўлажак тобут тахтачалари тайёр қилинган. Кейин улар ҳам узун-узун ёғоч миқларда бирлаштирилиб түртбурчак шакли (яшик) тобутлар тайёрланган. Уларнинг усти юқоридаги усул билан ясалган қамиш қопқоқ билан ёпишган. Қамиш тобутлар сағана полига қатормақтор жойлаштирилган. Биринчи қатор тўлғач, уйинг устига бир-бирини эзиб юбормаслик учун ёғоч түсинчалар қўйилган ва устига иккинчи қатор қилиб яна жойлаштирилган¹¹. Шу тартубда юқорини қаторлар ҳам қўйилган. Ҳар бир тобут ичида марҳум уст-боши, тақинчоқлари, қурол-яроғлари, кундалик эҳтиёж анжомлари, озиқ-овқатлари билан қўйилган. Тобут ичига синамаган катта ҳажмли сопол идишлар, қамиш саватлар ёғоч буюмлар унинг ташқарисига қўйарилиб қўйилган.

Поп сағаналаридаги ашёлари (сопол, темир, бронза буюмлар, тақинчоқлар) бошқа ёдгорликлардаги топилмалар билан солиштириб кўриб сағаналарини V—VII асрларга оид деб белгилаш мумкин.

Муңқоқтепа I да яққа ҳолда кўмилган қабрларнинг 14 таси қовлаб ўрганилди. Улар қовланиш услуби ва шаклига қараб ўра гўр ва ёрма гўрларга бўлинади.

Уша гўрлар түртбурчакли ёки түртбурчакка яқин шаклда бўлиб, чуқурлиги ҳар хил. Бу гўрларга юзи юқорига қилиниб, оёқ-қўли чўзилган ҳолда чалқанчасига ётқизирилиб биттадан жасада дафи этилган. Аёлларнинг бўйин ёки кўкрак қисмига тақинчоқлар, ён томонида урчуқ, жез ойна, упа-элик солинадиган жез кутича, баъзида темир личоқ, бош ёки оёқ тарафида сопол идишлар (1—2 та) қўйилган бўлади. Фақат бир марта марҳум ёнидан куй суяклари ва бош қисмида жез түгноғич топилди. Эркакларнинг гўрларида эса чап ё ўнг тарафида темир личоқ ва уни ёғочдан ясалган қини, қорин қисмида қамар тўқаси (темир), бош ёки оёқ томонида сопол идишлар учрайди. Ўра гўрларда жасадаларнинг бош томони шараф ёки ғарбга қўйилган. Умуман олганда ўра гўрлар нисбатан чуқур қовлаб қўйилмагани учун қишлоқ ҳўжалик ишлари вақтида қаттиқ шикастланган.

Ёрма гўрларнинг юқоридаги ўра гўрлардан фарқи, уларнинг ўрасини (айвон) узун томонидан ўлики қўйиш учун узунасига «ерма» қилинади. Яъни ўзига хос «айвонли (ўра) уй (ёрма)» деган тушунча билан қовланади. Ёрма гўрларда «айвон» (ўра) қисми тухумсимон ёки ўшанга яқин шаклларга эга, чуқурлиги 1 метрдан ортади. Унга параллел қилиб, ўлики қўйиш учун ёрма («уй») қовланган, одатда у ўра («айвон») полидан чуқурроқда жойлашиб ҳажми бир оз кичикроқ бўлади. Ёрмага («уй») жасада юзини юқорига қилиниб (фақат бир марта юзи чап ва бир марта ўнг томонга қаратиб) оёқ-қўллари чўзилиб чалқанчасига ётқизилган. Аёлларда бўйин, бош, кўкрак қисмида тақинчоқлар, жез ойна, түгноғич; ёнида урчуқ, упа-элик солинадиган кутича, темир личоқ, сурматош; қорин қисмида қамар тўқаси ҳамда қўлида биллакузук ва узук учрайди. Бош ва оёқ тарафига бир ёки иккита сопол идишлар қўйилган. Аёллар қабри ҳақида гапирганда икки ҳолатни алоҳида таъкидлаш керак. Биринчидан, жасадалар остига қамиш ёки бирор нарсадан махусе ўшаме солинган, иккинчидан уларга бошқа гўрларга нисбатан кўпроқ буюмлар қўйилган. Эркаклар қўйилган гўрларда жасадинг қорин қисмида

¹⁰ Баратов С. Р. Культура скотоводов Северной Ферганы в древности и раннем средневековье (по материалам курумов и муғхона). Автореф. канд. дис. Самарканд, 1991.

¹¹ Матбобоев Б. Х. Папский могильник (Северная Фергана) // Тезисы докладов конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Б. А. Латынина «Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа)». Л., 1990. С. 23—24; Матбобоев Б. Х. Муңқоқтепа — уникальный памятник городской культуры древней Ферганы на Шелковом пути // Доклады международного симпозиума «Шелковый путь: культурно-экономические и этногенетические связи древнего и средневекового Киргизстана». Фрунзе, 1989.

камар тўқаси, уни ёшида темир ничоқ, бош томонида сопол идиш (фақат битта махсус ёғоч ёилорда темир ўроқ) аниқланган. Эркаклар «ўйилган гўрларда жасадлар билан бирга ашёлар жуда кам кўйилган. Фақат ушбу ёрма гўрлардан жундан ва шакдан тўқилган мато қолдиқлари ҳамда чарм парчаси топишган. Бу гўрларнинг характерли хусусиятларидан бири ўра («айвон») билан ёрма («уй») ўрта-сидати охиқ жойлар гини билан ёшилган. Ёрма гўрлар очилни тафсилотини туғатар эканмиз, улар ичида қайд этилган қамши қолдиқлари ва бизга 5-сағанадан маълум бўлган ҳамда қамши тобут ясаида қўлланилган ёғоч қозиқчаларни алоқида ёслатиб ўтамиз. Жасад остида ва устки қисмида кўплай қамши пояси қолдиқлари аниқланди. Албатта, улар ёмон сақланган бўлса-да, буидай ашёвий диллиқларнинг ушбу гўрларда учраши, баъзи ёрма гўрларда ҳам марҳумларни қамши тобутга солиб кўмини одати бўлган экан деган хулосага олиб келади. Бу маълумотларнинг аниқланиши, қамши тобутларни ер ости сағаналарига нисбатан якка гўрларда эртароқ пайдо бўлган ва сағаналарда улар кейинроқ такомиллашган ҳолда қўлланилган деган

1-жадвал

Шимолий Фарғонанинг қадимги мазорларида аниқланган дағи этиш хиалари (эрамининг бир мингичи йили бошлари ва ўрталари)

Одий гўр (ёки ўра гўр)	13 ¹	(Мунчоқтепа, Варзик, Гўрмирон)
Ёрма гўр	5	(Мунчоқтепа)
Лаҳадли гўр	56	(Гўрмирон, Қизил, сув, Шоҳ, Сарикамиш)
Сағана	8	(Мунчоқтепа)
Қурум, муғхона ²	86	(Варзак, Шоҳ, Гова, Чимбийсой, Қўчқорота, Чанчархон, Сарикўлсой, Куплоқсой)
Остодон	3	(Мунчоқтепа, Шоҳ, Қирқ хужра)

¹ Тадқиқот ўтказилган гўрлар сони.

² Булардан ташқари Ю. Г. Чуланов Араб қишлоғида маҳаллий кишилар томонидан қовланган тўртта муғхона, қурумлар ҳақида тўталади.

фикрини олга суринга имкон беради¹². Чунки Фарғона водийсининг Жанубий ноҳиялардаги Қорамўйноқ¹³, Қорабўлоқ¹⁴, Обишир¹⁵, Талас воҳасидаги Қенқўл¹⁶ мазорларидаги ёрма гўрлардан ёғоч тобутда ўлик кўмин қайд этилган. Улар Мунчоқтепага нисбатан бир оз олдинги даврга (I—IV асрлар) тўғри келса-да, ўша мазорларга ўз қавмларини дағи этган аҳолининг бир қисми Мунчоқтепа атрофида кўчиб келиб ҳаёт кечирган бўлиши керак. Бундан ташқари Мунчоқтепа билан Қорабўлоқ орасидаги масофа унча узоқ эмаслигини (100 км га яқин) ва ундаги ўхшашликларни ҳисобга олсак юқоридаги фикрга қўшимча далил бўлади. Булардан келиб чиқиб Мунчоқтепа аҳолисини ўтроқлашган «собиқ» кўчманчилар деб айтиш мумкин. Қадимги мунчоқтепалик чорвадор—кўчманчи халқлар биринчи навбатда Қорабўлоқ билан яқиндан алоқада бўлган.

Бундан ташқари Мунчоқтепанинг юқори қисмида, унинг яқинидаги Қирқ хужра атрофидан ва Шоҳ мазордан учта остодон топилади. Улар эрамининг VII—VIII асрларига тааллуқли. Мунчоқтепани юқори қатламларидан хумга солиб кўмилган ўлик ҳам аниқланди, лекин у бир оз кейинги даврга тўғри келади¹⁷.

Демак, Говасой ва Косонсой ҳавзаларида кейинги йилларда олиб борилган археологик қидирув натижасида қадимги мазорлар ва уларда бир неча хил дағи удумларни текшириб ўрганишди (1-жадвалга қаранг). Улар Фарғона водийсининг Шимолий худудларидаги (ўрганилаётган даврдаги) аҳолини кўмин маросими билан боғлиқ урф-одатларини ўрганишда катта аҳамият касб этади. Қилинган ишлар натижасида Шимолий Фарғонада шу вақтгача номалум бўлган ёрма гўр ва ер

¹² Матбабаев Б. Х. Могильники в бассейне Гава-Кассан-Сая//Тезисы докладов республиканской конференции молодых историков. Самарканд, 1992. С. 52—54.

¹³ Заднепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Ошской области (середина I тысячелетия до н. э.—середина I тысячелетия н. э.). Фрунзе, 1960. С. 124—126.

¹⁴ Баруздин Ю. Д. Кара-Булакский могильник//Известия АН КиргССР. Сер. общ. наук. Т. III. Вып. 3. Фрунзе, 1961. С. 43—81.

¹⁵ Кадыров Э. К. Хронология могильника Обишир в Южной Фергане//Общественные науки в Узбекистане. 1974. № 1. С. 67—70.

¹⁶ Бернштам А. Н. Кенкольский могильник//Археологические экспедиции Эрмитажа. Вып. 2. Л., 1940.

¹⁷ Матбабаев Б. Х. Осууари Ферганы//Общественные науки в Узбекистане. 1993. № 2. С. 43—47.

ости сағаналарни аниқланди. Булар Говасой ва Косонсой ҳавзалари қадимдан йиринк савдо алоқаларидаги муҳим жойлардан бири бўлганини кўрсатади. Айниқса бу алоқалар Буюк Ипак йўли бир маромда ишлаган пайтларда активлашган. Муучқор-тепа мазорида топилган айрим топилмалар қадимги аҳолининг ушбу қиъталараро ҳаққаро савдо йўли бўйидаги халқлар билан бевосита алоқада бўлганлигини кўрсатмоқда. Масалан, бизларда Хитойнинг «У-шу», «кай юань тун бао» тилидаги¹⁸ тангалари борки, уларнинг Фарғона vodiёида пайдо бўлишини таъқиқотчилар Буюк Ипак йўли билан боғлайдилар. Хулоса қилиб айтганда, vodiёининг ушбу қисмида то неолит дини ўз мавқенини тиклаб олгунга қадар мархумларни кўмиш билан боғлиқ урф-одатларда бир хиллик бўлмаган.

Б. Х. Матбобоев

¹⁸ Муаллиф тангаларни аниқлаган Давлат Эрмитажн ходими Н. В. Ивочкинага ўз миннатдорчилигини билдиради.

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

НОВАЯ НАХОДКА С ГОРОДИЩА КАВАРДАН

Одним из интересных, но малоизученных средневековых городов Ташкентского оазиса является городище Кавардан, расположенное в 25 км к востоку от современного Ташкента. Оно вытнуто с севера на юг вдоль старого русла Чирчика на площади более 75 га. Исследователи отождествляют его с известным по арабским географическим источникам городом Кабарной¹.

Этот расположенный в предгорной зоне населенный пункт на протяжении длительного времени был городским центром в контактной зоне оседло-земледельческой и скотоводческой культур. Возникнув первоначально как небольшое поселение земледельцев бургулюкской культуры, он к VII—VIII вв. превращается в центр крупного феодального удела, правитель которого чеканил собственную монету².

Наивысшего расцвета город достиг в предмонгольский период. Интенсивно обживается вся его территория. Изучение материальных остатков бытовой культуры морожан выявило наличие высокоразвитых городских промыслов, продукция которых представлена прекрасными образцами гончарного искусства, торевтики, стеколения.

Большой интерес вызвала находка костяных бус и каменной подвески, датируемых XI в. Они извлечены из одного места, но общее количество бусин произника установить невозможно, ибо часть культурного слоя была потревожена. Все бусинки бочонковидной или конической формы, выточены из кости. Большинство из них имеют диаметр 0,7 см, длину — 0,8 см; лишь в одном случае бусина имела длину 0,4 см. Во всех бусинах по длине проточено сквозное отверстие диаметром 0,2 см.

На поверхности трех бусин с двух сторон прощарпаны насечки в виде V-образных фигур. В одном случае черточки, направленные навстречу друг другу, смыкаются, в другом — нет. На третьей бусине один знак сохранился полностью и видна черточка второго. Отсюда можно предположить, что первоначально вытачивалась заготовка, состоящая из нескольких бусин, обрабатывалась их поверхность, вырезались знаки и лишь затем заготовка распиливалась на отдельные бусины. В данном случае часть бусины с уже нанесенными знаками обломилась. Однако мастер решил все же использовать эту бусину, хотя в результате подточки она заметно уменьшилась. Видимо, на всех трех бусинах нанесены арабские цифры — 77 или 88.

Подвеска сделана из гагата, камня с мелкозернистой структурой, темно-серого цвета, поверхность которого после полировки приобретает густой смолисто-черный оттенок. Месторождения гагата известны в Малой Азии (отсюда, по городу Гагай, он и получил свое название), на Кавказе и в Средней Азии, точнее в Северной Фергане. Подвеска оформлена в виде четырехгранной бипирамидальной призмы. На двух противоположных плоскостях призмы (размером 2,4×1 см) расположены два сквозных отверстия диаметром 0,2 см, т. е. идентичных диаметру отверстий, проточенных в бусинах. Любопытно, что с обеих сторон на одинаковом расстоянии сохранились следы неудачной попытки сверления. Видимо, мастера не устраивало то, что отверстие могло оказаться слишком близко к краю прямоугольной рамки. В то же время очевидно, что изделие закреплялась в каком-то приспособлении и сверление начиналось с двух сторон одновременно.

На другой паре противоположных сторон (размером 2,4×1,3 см) прощарпаны эписграфический орнамент. Буквы достаточно четко различимы, но надписи сильно

¹ Бурыков Ю. Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975. С. 86—87.

² Ривеладзе Э. В. Нумизматические материалы к истории средневекового Чача // Общественные науки в Узбекистане. 1982. № 8. С. 34—35.

стилизованна, что делает их чтение спорным. По предположению чл.-кор. АН РУЗ П. Г. Булгакова, в первом случае в овальном картуше дано слово «бисмилля» — «во имя Аллаха», т. е. часть религиозной формулы «Бисмилляхир-рахмонир-рахим» — «вместе Аллаха милостивого, милосердного», с которой начинаются все суры Корана. По многовековой традиции этой формуле придавалось особое, магическое значение. Она произносится мусульманами во время молитвы, перед началом любого дела, пишется в начале ишем, официальных документов. В обиходе нередко употреблялась лишь начальная ее часть — «бисмилля». Сбоку к картушу примыкает еще пять букв (нечитаемый набор из []). Вторая сторона представлена одним длинным словом из семи букв. Как полагает П. Г. Булгаков, это, видимо, стилизация формулы «нет божества, кроме Аллаха» — точнее первой части шахиды (свидетельства), кратко выражающего один из главных догматов ислама — «единобожие». Эта формула повторяется мусульманами во многих случаях жизни, входит почти во все молитвы.

Пирамидальные окончания призм со стороны плоскости с надписью дополнительно снабжены процарапанным орнаментом в виде треугольника, острая вершина которого направлена к концу подвески. Основание треугольника подчеркнуто прямой линией. Заполняющие фигуры близки, но не одинаковы. В первой паре — это ромб с глазом, вписанный в вершину треугольника, и два небольших треугольника в углах основания. Вторая пара имеет схожее заполнение, но в ромб вписан значок, напоминающий букву Δ .

Таким образом, одинадцать бусин и подвеска связаны между собой не только местом находки, но, видимо, единой функциональной принадлежностью. Отсюда одинаковые размеры проточенных отверстий в бусинах и подвеске. Скорее всего, это единая пропалка (связка) четок. К сожалению, бусины собраны неполностью. Можно предположить, что всего их было 66 или 99. Любопытно наличие бусин с отдельными знаками. Большая часть бусин знаков не имела. Во всех трех случаях это — близкие цифры (77 или 88). Видимо, в связке этим бусинам отводилась особая роль.

Во-первых, они могли играть роль разделителей, тем более, что известно о традиционном делении мусульманских четок на три равные части. Во-вторых, этим бусинам могло придаваться особое значение в силу суеверий о магии цифр. К сожалению, чтение надписей не бесспорно, хотя наличие религиозных формул на подвеске кажется вполне допустимым. Кроме того, четки вообще прежде всего связаны с культом. Неслучайно одна из отмеченных выше формул открывает молитвы, а вторая являет собой один из догматов веры.

По традиции, мусульманские четки (табих) состоят из 99 бусин, названных на шнурок и разделенных на три равные части. Причем количество бусин соответствует числу «прекрасных имен» Аллаха. Использовались они как приспособление для счета прочитанных молитв, совершенных поклонов и других религиозных действий. В настоящее время встречаются и четки, состоящие из 66 или 27 бусин.

Христианские четки представляют собой шарик, названный на шнурок или соединенные друг с другом крючками, но, в отличие от мусульманских, к ним подвешивается крестик. В православии четками пользовались в основном монахи и монахини. Согласно церковному преданию, четки были введены в обиход Пахомием Великим (IV в.) для неграмотных монахов, которые должны были совершать определенное число молитв и поклонов³.

Не менее широко использовались четки в буддизме, где бытовали четки из 108, 55 или 27 бусин, каждая из которых обозначалась особым термином. По мнению Ф. А. Заславской, они связаны с культом астральных сил и их покровители Рудры-Шивы. Например, четки из 27 бусин соответствуют 27 лунным зодиакальным созвездиям — накшатрам (домам), через которые, по представлениям древнеиндийских астрономов, пролегал путь Луны⁴. Правда, на наш взгляд, более вероятно вариант кратности их от четок из 108 бусин (налицо уменьшение в 4 раза).

Однако четки применялись не только в религиозных действиях, но и в экономической сфере — как счетные устройства. Так используют четки-сумарни торговцы на базарах сегодняшней Индии, а в Японии лишь в конце 60-х годов четки уступили место арифмометрам⁵.

Вопрос о возможности практического применения четок в Средней Азии, к сожалению, мало разработан; почти полностью отсутствуют этнографические наблюдения, за исключением некоторых устных сообщений⁶.

Древнее общество довольно рано столкнулось с потребностью счета, необходи-

³ Авторы выражают свою признательность П. Г. Булгакову за эту консультацию.

⁴ Православие//Словарь атеиста. М., 1988. С. 261—262.

⁵ Заславская Ф. А. «Мушкетер» из Караул-тепе, сумарни и счетные палочки//Индийская культура и буддизм: Сб. ст. памяти акад. Ф. И. Щербатского. М., 1972. С. 181—182.

⁶ Там же. С. 186.

⁷ Там же. С. 183.

мостью свободного оперирования и запоминания (записи) нужных чисел. Следы счета в виде насечек зафиксированы на каменных и костяных изделиях. Во многих культурах простейшим приспособлением для счета и его записи служили бирки или связки из них. Так, в Чувашии связками из бирок фиксировались довольно сложные операции и крупные числа⁸.

Безусловно, в Средней Азии имели место схожие явления. Возможно, наряду с бирками в счетных операциях использовались косточки четок. Свидетельство о применении их в этом качестве оставил в своих воспоминаниях С. Метиславский⁹. О существовании в Туране какой-то особой системы счета — «сейяк», применяемой при подсчете как денег; так и зерна, несколько упоминается в географическом трактате Махмуда ибн Вали «Море тайн»¹⁰. Возможно, само название «сейяк» указывает на их связь с четками. Можно предположить, что оно происходит от средневекового «сей» — 30 и «ак» — один, т. е. 31. — числа камней (косточек) в четках. Либо «сейяк» — это искаженное от тюркского «суяк» — «кость».

Однако следует отметить неудачу наших попыток выяснить у местных старожилов способы применения четок как счетного устройства в практической сфере. Все информаторы указывают на применение их лишь при подсчете молитв, использование для предсказания в гадании либо в качестве амулета. Четки считались амулетами, ибо, по преданию, 2 шары четок (сабха) остались после смерти Мухаммеда¹¹.

Среди египтян в XIX в. был распространен такой способ истихары (т. е. обращения к небесам за милостью или наставлением), по которому требовалось, трижды прочитав фатху, взять изугад в двух местах за четки и между этими двумя точками пересчитать все бусинки следующим образом: пропустив сквозь пальцы первую, сказать «Слава совершенству Аллаха!», пропустив вторую, — «Хвала Аллаху» и третью — «Нет божества, кроме Аллаха!» В такой последовательности трижды повторить до последней бусинки; если с ней совпадет первое восклицание, ответ считают положительным, если второе — нейтральным, а третье — отрицательным¹².

Не случайно, на наш взгляд, и выбор черного цвета основного камня четок. Возможно, это символическое подражание одной из святынь ислама — «черному камню» Каабы (аль-Хаджр аль-асвад) — символу могущества Аллаха, дарованному им Адаму¹³. Поэтому, с одной стороны, верующий, держась за такой камень, обращался как бы к небесному трону Аллаха, а с другой, — считалось, что черный камень Каабы наделен особым свойством — барак (благодатью). Подвеска четок, имитируя его, как бы тоже наделялась этим свойством и служила для верующего талисманом. Отметим в этой связи и своеобразную (бипирамидальную) форму камня, способ его подвески, чрезвычайно напоминающие средневековые тумары, и стилизованные надписи, восходящие к религиозным формулам — постулатам ислама.

Ф. А. Заславская также связывала форму каменной подвески-разделителя из Каратапа с космогоническими представлениями. Подвеска, по ее мнению, символизировала изображение священной горы Меру — вершин Мира, обители богов. Хотя она же не исключает возможности, что имитируется «священный зуб Будды, восходя к культуре моней в буддизме»¹⁴.

Примечательно, что сам минерал каварданской подвески использовался как амулет. Гагат — эта разновидность витрепов, чье происхождение еще окончательно не ясно, — в период средневековья был одним из популярнейших поделочных камней в Средней Азии. Древних мастеров привлекали мягкость минерала, легкость полировки изделий и получаемый в результате густой смолотого-черный цвет. В ювелирном деле средневекового Китая гагат высоко ценился и назывался иногда, несмотря на мягкость, «серой янмой». Считалось, что он представляет собой стадию превращения, достигнутого янтарем по прошествии тысячи лет¹⁵. Есть также предположение, что это остатки высших растений¹⁶. Нередко кусочки гагата использовались как амулеты, их носили маленькие дети для отпугивания злых духов¹⁷. Видимо, схожие представления бытовали и в Средней Азии.

Диапазон непосредственного применения четок, видимо, был широк и неоднозначен в каждом регионе. Они служили символом святости, символом власти и даже символом индивидуальной принадлежности того или иного должностного лица. Так, в рассказе «Четки хана» азербайджанского писателя Джалила Мамед-Кули-заде подручным хана достаточно было явиться с каменными четками в дом крестьянина, чтобы иметь право обобрать его¹⁸.

⁸ Научные выборы, М., 1968, С. 88.

⁹ Метиславский С. На тропе, М., 1925, С. 88.

¹⁰ Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных [география]. Ташкент, 1977, С. 17.

¹¹ Делия В. М. Прелюди и обычаи египтян в первой половине XIX в. М., 1982, С. 218.

¹² Там же, С. 226.

¹³ Ислам//Словарь араветов, С. 120.

¹⁴ Заславская Ф. А. Указ. статья, С. 183.

Обнаруженная на городище Кавардан часть комплекта костяных четок с каменной подвеской — первая находка подобного рода в Ташкентской области, хотя аналогичная костяная бусина с вырезанными на ней арабскими цифрами (число 77) известна из района Ташкентского моря (она находится в фондах Музея истории Узбекистана им. Айбека в Ташкенте).

Этот артефакт немаловажен для понимания и реконструкции быта горожан Чача XI в. Он указывает на глубокое укоренение мусульманской культуры в регионе. Скорее всего, четки были атрибутом культа и служили для отсчета молитв, многократного повторения религиозных формул (такбар), перечисления имен Аллаха. Кроме того, они могли служить и амулетом; подобно тому, как многократному повторению религиозных формул придавалось магическое значение, сами четки тоже наделялись «благодатью» (барака) и свойством «отпугивать злых духов».

К. А. Алимов, Г. И. Босомолов

¹⁵ Шефер Э. Х. Золотые перенки Самарканда. М., 1981. С. 329.

¹⁶ «Гагат» (от греч. gagateis — черный янтарь), вязкая разновидность кам. угля» (Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 268).

¹⁷ Шефер Э. Х. Указ. соч. С. 329.

¹⁸ Байрамов Э. З. Зброшенне четки. М., 1986. С. 6.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ XVI—XIX ВЕКОВ

При изучении истории среднеазиатских ханств весьма важное значение имеет исследование ценных документальных материалов, сосредоточенных в рукописных сборниках указов, актов, писем, различных формулярников, которые содержат немало фактических сведений, необходимых для освещения того или иного вопроса. Эти данные особенно актуальны при изучении социально-экономических, политико-административных отношений, внутренней и внешней политики среднеазиатских государств, в частности Бухарского ханства.

Деловые письма (маншурат), указы (нишан), составленные в канцелярии бухарских ханов, изобилуют эпитетами, метафорами, цитатами из Корана и хадисов и являют собой своеобразные образцы восточной прозы. Однако такое художественное оформление не снижает их научной ценности как важного исторического источника.

Предметом данного исследования стал сборник копий документов XVI—XIX вв., имеющийся в рукописном фонде ИВ АН РУз, — «Мактубат, мушваат, маншурат» (переписка, образцы писем и грамот)¹.

Сборник содержит 391 документ. Количество листов — 204 (размер 15,5 × 26,5 см). Известны имена трех переписчиков — официальных секретарей (мушни): Мирек-шах мушни — писец Субханкули-хана (1680—1702); Мулла Захид мушни — писец шаха Аббаса II (1642—1666); Мухаммад Тахир Вахид — писец шаха Сулеймана (или Сефи II, 1666—1694)².

Документы не датированы³. Даты можно установить условно, по авторам писем и адресатам, поскольку некоторые из них известны по нарративным источникам. В целом время составления и переписки этих документов можно отнести к концу XVI — началу XIX в.

Рукопись включает в себя образцы писем, грамоты о назначениях на должности (на таджикском и староузбекском языках), а также ряд именных писем (в копиях) бухарских ханов к правителям сопредельных стран Востока и России.

Среди авторов писем: бухарские правители Абдулла-хан (1534—1598), Имамкули-хан (1611—1642), Абдулазиз-хан (1645—1680), Субханкули-хан (1680—1702), Убайдулла-хан (1702—1711), сын Субханкули-хана Абу-ал-Файз-хан (1711—1747), эмир Хайдар (1800—1826); Бабурид Аурангзеб «Аламир» (1658—1707); Надиршах (1736—1747); русский царь Александр I (1801—1825); афганские эмиры: Махмуд-шах (1800—1803), Шуджа-ал-Мулк (1803, с перерывом 1839), Фируз ад-Дин⁴; кокандский правитель Умар-хан (1809—1822)⁵.

Кроме того, встречаются имена таких исторических личностей, как: Зияуддин Миршёр-бек — правитель Бадахшана (ум. в 1706—1707); Мухаммад Амин керак яракчи, — очевидно, историк и библиограф Субханкули-хана; Махмуд-бий аталык — правитель Балха и Бадахшана (1687—1688); Муким-хан, сын Субханкули-хана;

¹ Ркп. ИВ АН РУз, инв. № 289; Собрание восточных рукописей (СВР). Т. I. Ташкент, 1952. № 374.

² См.: СВР ИВ АН РУз. Т. I. № 374.

³ См. там же.

⁴ Фируз ад-Дин — правитель Герата, сын Заман-шаха. Мы предполагаем, что годы правления Фируз ад-Дина — 1804—1820, ибо после 1820 г. его имя в исторической литературе не встречается.

⁵ Босворт К. Э. Мусульманские династии/Пер. с англ. и примеч. П. А. Грязневича. М., 1971. С. 207, 271.

Ма сум-бий аталык — начальник бухарских войск при Убайдулла-хане и многие другие.

Частично описание сборника документов дано в работах М. А. Абдураимова, И. Г. Низамуддинова⁸.

М. А. Абдураимов, в частности, отмечает, что в сборнике «мы находим интересные сведения о назначении тех или иных лиц на высокие государственные должности, о пожалованиях земель, больших пригласительных работах, ренде (налоги), натуральной повинности населения... Большой интерес представляет терминология из области налогового обложения»⁹.

О необходимости изучения истории возникновения и развития структуры документов, о задачах, стоящих перед среднеазиатской дипломатикой, говорилось в работах О. Д. Чехович⁸.

Документы исследуемого нами сборника богаты материалами по внешней политике и административному устройству Бухарского ханства; в нем отражена переписка бухарских государей с индийскими правителями, Ираком, Ираном, Турцией, Восточным Туркестаном, Афганистаном, Россией. В сборник вошли документы периода правления трех династий: Шейбанидов, Аштарханидов, Мангитов (т. е. XVI — первая половина XIX в.). Приход к власти каждой династии сопровождался утверждением новых чиновников и административных лиц, для которых и требовались руководящие по составлению деловых бумаг, их образцы. Поэтому сборник включает в себя не только документы, но и специальное руководство по их составлению. Каждый вид документов снабжен названием. Это позволяет составить их классификацию.

Следует учесть, что руководство по составлению фирманов, нишанов, инаитнаме, ниша и др. претерпевало определенные изменения, соответственно изменениям, происходившим в жизни ханства.

Некоторая часть сборника представляет собой письмовник с образцами писем бухарских ханов к разным высокопоставленным лицам, назначения на должность с указанием титулов, обращений и стереотипных формул, выражающих почтение, благожелание, соболезнование и т. п.

Научный интерес представляют описания должностей, существовавших при дворах Шейбанидов, Аштарханидов, Мангитов. Часть их отмечена в работах А. А. Семенова, А. Б. Вильдановой, М. А. Абдураимова о чинах и званиях, существовавших в средневековой Бухаре⁹. Отметим некоторые из них.

Аталык (бука «пользующийся приваия отца») — занимал ведущее место в чиновной иерархии в XVII—XVIII вв.; наряду с исполнением других обязанностей руководил сбором денег страны. Диванбег — ведал хараджем (поземельным налогом) страны, поступавшим весной и осенью, и составлением дафтарных записей. Иными словами, диванбег — начальник «дивана» (канцелярии) или заведующий финансовыми делами. Додхо — должность после парваначи. Его обязанности заключались в приеме прошений на имя хана; позднее додхо был и военачальником.

Встречаются и другие должности, как кушбег, бакаул, эшик-ака баши, судур, мирахур и т. д.

Ко всем перечисленным должностям в сборнике приводится соответствующая им титуловка. Документы состоят из нагромождения бесчисленного ряда эпитетов, как, скажем: «прибежище эмиратства и благодарности» (амарат ва наджабатпапах); «правитель области и счастья» (дастгох аслат ва саодат)¹⁰; «прибежище славы и величия» (иззат ва рафатпазох), «правитель благородства и искренности» (наджабат ва эсодат дастгох), «пробуждающий счастье и мужество» (саодат ва джанодат энтебох)¹¹ и многие другие. Перевод этих эпитетов, особенно на русский язык, крайне затруднителен, ибо передать оттенки этих эпитетов можно лишь с помощью большого количества примечаний, выражающих всю схоластическую премудрость и цветистость речи той эпохи.

Переходя непосредственно к характеристике документов, надо отметить прежде всего, что все виды документов в мусульманских странах строились на основе шариата. Не была исключением в этом смысле и канцелярия Бухарского ханства,

⁸ Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX в. Т. I. Ташкент, 1966; Низамуддинов И. Г. XVI—XVIII асрларда Урта Осиё Хиндистон муносабатлари. Тошкент, 1966.

⁹ Абдураимов М. А. Очерки... Т. I. С. 41.

¹⁰ Чехович О. Д. Об актовых материалах по истории Бухары // Исторические записки АН СССР. Т. 16. М., 1945. С. 232—233; См.: ее же. Задачи среднеазиатской дипломатики // Народы Азии и Африки. 1969. № 6. С. 75—82.

¹¹ Семенов А. А. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре // Советское востоковедение. 1948. № 5; Абдураимов М. А. Очерки... Т. I; Вильданова А. Б. Подлинник бухарского трактата о чинах и званиях // Письменные памятники Востока: Ежегодник — 1963. М., 1970. С. 40—67.

¹⁰ Ркн. ИВ АН РУз, инв. № 289, л. 67б.

¹¹ Там же, л. 61б.

хотя с развитием феодальных отношений некоторые, особенно ортодоксальные элементы, теряли былое значение. Всего в сборнике представлено 12 видов документов, что говорит о развитой системе делопроизводства. Условно их можно разделить на 3 части:

1. Документы, принадлежащие перу Хаджи Мирек-шах мушши¹². Всего — 64 ед., из них: нома (письма) — 41, саводнома (наставления для письма) — 1, изах (примечания к письмам) — 9, джавобнома (ответное письмо) — 3, майшур (указ) — 3, ивайятнома — 5, ариза — 1, ишпан — 1;

2. Документы, принадлежащие перу Мулла Захид мушши¹³. Всего — 6 ед.: нома — 1, джавобнома — 3, саводнома — 1, майшур — 1;

3. Документы, принадлежащие перу Мирза Мухаммад Тахир Валида¹⁴. Всего — 321 ед.: указов (ишпан) — 42, писем (нома) — 24, примечаний (изах) — 40, образцов (ишпа) — 3, саводнома — 3, дастхат — 16, ивайятнома — 28, хатзижа — 1, маншур — 116, саводманшур — 1, указов (фирман) — 6, указов (ишпан) — 43.

Документы сборника содержат также ценный материал для изучения истории внешней политики бухарских эмиров, истории права и дипломатии Средней Азии позднефеодального периода. Здесь мы обратимся к той части документов, где содержатся письма правителей Бухары в Индию (37), Ирак (43), Иран (9), Бадахшан (3), Кабул (1), Балх (4), Герат (2), Кандагар (4), Турцию (9), Россию (1). Всего — 113 писем.

Часть писем, адресованных правителям Ирака, в связи с отправлением туда послом Якуб-бия¹⁵, говорит о том, что обмен послами — «старинный обычай», служащий укреплению дружественных связей между людьми. С этой целью и направляется в качестве посла Якуб-бий с надеждой, что он будет встречен с должным уважением и почетом.

Интересно письмо правителю Ирака¹⁶ (имя не указано), в котором сообщается, что к его двору отправлены ученый-лекарь, а также ремесленники: «ткач, который плетет бархат с цветными пестиками на полях, подобно саду; золотильщик, прославившийся в золочении; гончар — мастер по фарфору и человек, который медь превращает в золото, не применяя химии. Направляются они вместе с послом».

Следовательно, дипломатические отношения подкреплялись торговыми и культурными связями. Дружественные связи с Ираком были важны для Бухары и потому, что через Ирак лежал путь в Мекку. Каждый мусульманин стремится хоть раз в жизни совершить хадж к святым местам. И часть переписки с Ираком связана именно с этим вопросом. Таковы, например, письма правителю Ирака с просьбой об оказании паломникам содействия и обеспечении их безопасностью¹⁷.

Остановимся на письме, адресованном наместнику Кандагара Саадулла-хану¹⁸. Нами установлено, что это письмо было написано в период правления Абдулазиз-хана (1645—1680 гг.).

Как свидетельствуют источники, в XVI—XVII вв. Кандагар был объектом длительной борьбы между Моголами и Сефевдами¹⁹. Саадулла-хан²⁰ сопровождал принца Аурагзаба в двух походах на Кандагар (1649 и 1652 г.). При дворе Шах-Джахана он занимал должность «диван-и халисе» (управляющий финансами, 1645—1646 гг.) и в те же годы он — «вазир-и кул» (главный министр). Его мансаб (чин) — семитысячник (1646—1647 гг.). Умер Саадулла-хан в 1656 г. Следовательно, время написания письма — 1649—1652 гг.

Главная тема письма заключается в том, что в Бухаре узнали о «религиозной» войне между «кизилбашами» (т. е. Сефевдами) и «борцами за веру»²¹. В письме высказывается беспокойство по поводу захвата земель, «объявленных украшением ислама»²². Далее речь идет о занятии крепости Герат, о чем поставлен в известность «мират палох», и приносятся поздравления по этому случаю²³.

¹² Там же, л. 16—51а.

¹³ Там же, л. 51а—57а.

¹⁴ Там же, л. 57б—204а.

¹⁵ Там же, л. 23а, № 25.

¹⁶ Там же, л. 75, № 103.

¹⁷ Там же, л. 34а—35а, № 36, № 38—40.

¹⁸ Там же, л. 62а—63б, № 79.

¹⁹ Массон В. М., Ромодиц В. А. История Афганистана. Т. 2. М., 1965.

С. 17; подробно см.: Амалий Солих Шах-Джахан-нома. Т. 3. Лахор, 1960. С. 63—66, 326, 337.

²⁰ M. Athar Ali. The Apparatus of empire. Awards of Ranks, Offices and Titles to the Mughal nobility (1574—1658). Delhi, 1985. P. 200.

²¹ Ркп. ИВ АН РУз, инв. № 289, л. 62а—63б, № 79. О «религиозной» войне говорится в связи с тем, что Сефевиды, захватившие Кандагар, были иранцами — последователями шиитского толка в исламе. Говоря о «борцах за веру», автор письма имеет в виду армию Шах-Джахана, хотя в ней были не только мусульмане, но и индусы.

²² Там же.

²³ Там же.

Однако в связи с этим сообщением возникают две версии содержания данного письма. Возможна ошибка (был захвачен Кандагар, а не Герат) или до Бухары дошли ложные слухи о захвате Герата Бабуридами, ибо, по нашим исследованиям, Бабуриды в Герате не были. Он был столицей Сефевидов в период правления шаха Аббаса II (1642—1666).

Как сказано в письме, «в качестве доверенного лица (в Кандагар) направляется Мухаммад Назар-бий додхо, военный, мусульманин, почитающий религию, совершающий молитвы»²⁴. На него возложена обязанность узнать о возможностях противоборствующей стороны, и если «войска, сражающиеся за ислам, малочисленны и это ослабляет их, то турецкие войска, быстрые, как ветер, будут посланы на помощь»²⁵. В этой связи мы считаем необходимым обратить внимание на дипломатию Бухары. Согласно И. Г. Низамиддинову²⁶, в феврале 1649 г. Кандагар был взят иранскими соединениями, и Шах-Джахан трижды (в мае 1649 г., в 1652 и в апреле 1653 г.) пытался вернуть Кандагар. В марте же 1648 г. из Бухары в Иран был направлен посол с известием о готовности Бухарского ханства оказать военную помощь Ирану в его войне за Кандагар и некоторые другие земли, захваченные индийцами.

В то же время из содержания писем в Кандагар²⁷ видно, что военная помощь предлагалась бухарским ханом и Шах-Джахану. Отсюда можно сделать вывод, что Бухара в лице Абдулазиз-хана стремилась сохранить определенный баланс в своих отношениях с Ираном и Индией²⁸. При Абдулазиз-хане в Индию направляются посольства с целью укрепления дружественных связей. Так, в письме на имя наместника области Кандагар²⁹ содержится поздравление по случаю победы и сказано, что, «услышав весть о победе войска, приняли решение отправить послом в Кандагар казия Амир Ягуба Мирасада»³⁰.

Однако Бухару интересовали не только военные действия, но и торговля. Так, в письме наместнику Кандагара³¹ об отправке посла Эл-Мухаммада диванбегги особо подчеркивается, что обеспечение безопасности торговцев и караванов не менее важно, чем борьба с завоевателями. При этом указывается на позитивную роль послов для урегулирования подобных вопросов: «...В этом деле большую помощь оказывают послы. Поэтому человек по имени Эл-Мухаммад диванбегги отправляется в качестве посла»³².

Три письма сборника содержат переписку с правителями Бадрахшана. Переписка в основном деловая. Речь идет о назначениях на должности, сборе налогов³³.

Интересно письмо, написанное на имя Зияуддина Мирьёр-бека³⁴ (правителя Джузгана, самой сильной крепости Бадрахшана).

Начальная часть письма содержит обращение и восхваление Зияуддина Мирьёр-бека. Далее говорится о некоем Мухаммаде Мансур садре, которому было приказано отправиться в Индию за «пуклами» и через которого передано это послание.

Кандагар лежит на пути в Индию. И письмо преследовало двойную цель. Во-первых, — передать послание, а во-вторых, обеспечить безопасность посла при передвижении его в Индию.

Бадрахшан известен залежами ценных полезных ископаемых. Всемирную славу получили бадрахшанские рубины и бирюза.

Документы исследуемого сборника содержат государственный указ об охране рубиновых копей Бадрахшана³⁵. Сообщается о назначении некоего лица на место управляющего и охраняющего рубиновые копи Бадрахшана. Рубин, лазурь, серебро, золото, земли и подати (налоги) передавались под его ответственность. Указом предписывается ничего не скрывать от этого лица, оказывать ему всяческое уважение и почет.

Другое письмо — государственный указ о назначении на должность мирахура Хаджи берди шаговила³⁶. Должность мирахура была последней в бухарской служебной иерархии. Но иногда мирахуры командовали конницей и пехотой.

²⁴ Там же. Известно также, что Назар-бий додхо был послом в Индии в период правления Шах-Джахана.

²⁵ Ркп. ИВ АН РУз, инв. № 289, д. 62а—63б, № 79.

²⁶ Низамиддинов И. Г. Указ. соч. С. 56.

²⁷ Ркп. ИВ АН РУз, инв. № 289, л. 62, № 79; л. 196, № 21; л. 20а, № 22.

²⁸ Низамиддинов И. Г. Указ. соч. С. 62.

²⁹ Ркп. ИВ АН РУз, инв. № 289, л. 196, № 21.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, л. 20а, № 22.

³² Там же.

³³ Там же, л. 63а, 153б, 154а.

³⁴ Там же, л. 63а, № 80.

³⁵ Там же, л. 153б, № 24б.

³⁶ Там же.

Эти два документа указывают на тот факт, что Бухаршан находился под протекторатом Бухарского ханства, откуда от имени бухарских ханов и исходили указы о тех или иных должностях и назначениях²⁷.

Итак, несмотря на феодальную раздробленность Средней Азии и сопредельных стран, раздвигаемых внутренними противоречиями и междоусобицами войнами, в рассматриваемый период не только сохранились, но и получили развитие как политические, так и традиционные торговые отношения между государствами-соседями.

Этому способствовали географическое положение, природные условия, протяженность границ, общность обычаев, языка, религии и жизненная необходимость в рынках сбыта и приобретения товаров.

Знакомство со сборником убеждает нас в том, что в нем достоверно зафиксирован огромный пласт истории, жизни, культуры, обычаев многих народов. Содержащийся в нем материал представляет большой интерес для историков, специалистов по экономической, социальной, политической истории и дипломатии среднеазиатских ханств и сопредельных стран зарубежного Востока.

Б. С. Ходжаева

²⁷ Абдураимов М. А. Очерки... Т. I. С. 106—107; см. также: История Узбекистана. Т. I. Ташкент, 1967. С. 555, 571; Мухамед Юсуф мунши. Муки-халаская история/Пер., предисл., примеч. и указ. А. А. Семенова. Ташкент, 1956. С. 9.

«МАОСИРИ ОЛАМГИРИЙ» ТАРИХИЙ МАНБА СИФАТИДА

Хиндистонда 332 йил (932/1526—1274/1858) ҳукмронлик қилган Бобурийлар сулоласи тарихининг Аврангзеб подшоҳлиги даврини (1068/1658—1118/1707) ўғранида мизра Муҳаммад Соқий Мустандхонинг (вафоти 1136/1723—1724) «Маосири Оламгирий» («Оламгир [Аврангзебнинг улуг шилари]» асарини алоҳида аҳамиятга эга.

Муҳаммад Соқий Мустандхонинг ҳаёти ва илмий фаолиятига доир маълумотлар оз бўлиб, асосан унинг асариде келтирилган, ҳолос. Чунончи, у «Миръот ул-олам»¹ асарининг муаллифи, Аврангзеб амалдорларидан Бахтовархон (1096 йил 15-раби-1/1685 йил 19 февралда вафот этган) кўлида «мунийи ва девон» бўлиб хизмат қилгани, Бахтовархон ўлимидан сўнг Аврангзеб уни ўз даргоҳига қақиртириб панжшанба куни воқеаларини (воқеанигорийни рузи панжшанба) ёзиб бориш вазифасига тайинлаганини айтади². Кўн ҳам ўтмай Аврангзебнинг 1096 йилнинг 27-раби ул-охиридеги (1685 йил 2 апрел) фармонида бинозан Муҳаммад Соқий «ингорхонага» хизматга тайинланади (114-бет). 1114 йил ўрталари (1702 йил охирлари)га онд воқеалар тўғрисида сўзлаб, у ўзини Аврангзебнинг махфий ҳукмларини битувчи сифатида тилга олиб, подшолик фармони билан воқеанигорликдан «иншойи назорат» хизматиға ўтганини айтади (204-бет).

Мазкур маълумотлар оз бўлса-да, икки хулоса чиқаришга имкон беради. Биринчидан, Муҳаммад Соқий Мустандхон кенг маълумотли, пухта илм ва тажрибага эга бўлган. Иккинчидан, Аврангзеб саройи хизматчиси сифатида сарой ва мамлакатда юз бераётган воқеалардан яхшигина воқиф бўлган. Бу хулосани тасдиқловчи маълумотларни муаллифга ҳомийлик қилган Иноятуллахоннинг сўзлариде ҳам илғаб олиш мумкин. Чунончи, у Муҳаммад Соқий Мустандхонинг мазкур асарини ёзишга дэъват этаркан, «Аврангзебни таърифлашда сен оламгирдонсан», яъни унинг даврини ҳам, ўзини ҳам яхши биласан дейди (33-бет).

Асарини ёзилиш тарихига келсак, муаллифининг ёзинича, Шоҳ Олам Баҳодир (1118/1707—1124/1712) саройининг нуфузли амалдорларидан келтиради. Юқориде тилга олдинган Иноятуллахон Муҳаммад Соқийға мурожаат қилиб, Аврангзебнинг сўинги 40 йиллик фаолиятини ёритишни таклиф этади. Муҳаммад Соқий Мустандхон асарға «Маосири Оламгирий» номини бериб, мазкур ном асарининг ёзиб тугаланиш тарихига ишора ҳам эканини кўрсатиб ўтади (33-бет). Шу тарих (хронограммага) кўра асар 1122/1710—11 йилда тугалланган.

Иноятуллахон тўғрисида сўз юритадиган бўлсак, Муҳаммад Соқий Мустандхон унга Аврангзебнинг ҳос киниларидан эди деб таъриф беради (33-бет). Шунингдек, асарининг бир неча жойларида унга тегишли маълумотларни келтиради. Хусусан, Иноятуллахон Аврангзеб хизматида бўлиб жавоҳирхона мутасаддиллигини (1099/1688—89) «дивони ҳолиса ва тап» лавозимига қадар кўтарилди (1114/1703)³. Шоҳ Олам Баҳодир даврида эса те 1121/1709 йилча мазкур лавозимда

¹ Асар ҳақида қаранг: СВР (Собрание восточных рукописей). Ташкент, 1952. Т. I. С. 42.

² Мирза Муҳаммад Соқий Мустандхон. Оламгирий//ЎзФА Шарқшунослик институтининг тошбосма асарлар фонди. Рақами 12444, 113-бет. Бундан кейинги асардан олинган маълумотлар матида берилиб, саҳифаси қавс ичида келтирилади.

³ Қаранг: Мирза Муҳаммад Соқий Мустандхон. Маосири Олам-

ишлаб, сўнгра «хонисомони назорат»¹ хизматига, сўнгра Кашмир субадорлигига тайинланади». Кейинги Бобурий ҳукмдорлар Жаҳондоршоҳ (1124/1712—1125/1713), Фаррух Сияр (1125/1713—1131/1719) даврида Мақка ва Мадина збиратиди бўлган (1126/1714—1129/1717) яна «хотиса ва тан девонига тайинланади». Кўп ҳам ўтмай (1131/1719) унга яна хонисомон вазифаси юклатилади ва бу лавозимни набатдаги Бобурий ҳукмдор Муҳаммадшоҳ (1131/1719—1161/1748) даврида ҳам сақлаб қолади. Иноятуллоҳон 1726 йили вафот этган².

«Маосири Оламгирий» асарини маъбалари ҳусусида шуни айтиб ўтиш лозимки, Муҳаммад Соқий Мустандхон асосан тўрт турдаги маъбаларга суянган ҳолда иш кўрган:

1. Сарой расмий ҳужжатлари: фармонлар, ёрлиқлар, воқеаномалар;
2. Муаллифнинг кўрган-кечирганлари, билганлари;
3. Давр шохидлари ва воқеалар иштирокчилари хотиралари, ёзма гувоҳликлари;
4. Муҳаммад Козим-мушшифнинг «Оламгиринома» асари.

Асарни ёзиш жараёнида муаллиф асосан биринчи гуруҳ маъбалари расмий ҳужжатларга кўроқ суянган ҳолда иш кўрганини асарини ҳар бир саҳифасида кўриш мумкин. Шу билан бирга Муҳаммад Соқий Мустандхон ўз шахсий кечинмалари, давр шохидлари хотиралари, ёзинмаларидан ҳам ўз ўрнида фойдалана билган. Шу сабабдан ҳам у «ёз кўрганларим асосида [ҳам] ... қандайдиган» [33-бет], деб ёзди. Бир ерда Аврангзебнинг Маълум бир масала ҳусусида айтган сўзларига гувоҳ бўлганини таъкидлаган (153-бет), бошқа бир ерда бир амалдор ҳақида ёза туриб «камгина ул энди билан оғино эдим. Ғоят мақтовли хушқатвор соҳиби эди-ку, аммо [қўйган] аъмалларини кўрсата бўлишда ношудлиги бор эди» (177-бет), деб шахсий қузатиқлари билан воқеани тўдариб боради. Е бўлмаса шаҳзода «ёз беморликларини шундай баён этдилар», «Муҳаммад Ихлос нақд этдики» (159, 231-бетлар), деб ўз эътиқотларини келтиради. Яна бир бошқа ерда «Ҳожа Муҳаммад Ғафур ишорнома қоралаб нақд қилганларким» (43-бет) қабилида ёзаркан, ўз маъбалари хилма-хиллигини яна шор қилиб ўтади.

Юқорида таъкидлаганидек, «Маосири Оламгирий» 50 йиллик тарихий даврни қамраб олган. Шундан биринчи ўн йиллик воқеалари Аврангзебнинг шахсий котиби Муҳаммад Козим ибн Муҳаммад Амин-мушшиф (1092/1681 йил Деҳлида вафот этган) томонидан ҳукмдор фармонига биноан битилган «Оламгиринома» асарига асосланган равишда ёрилган. Муҳаммад Козимнинг фақат ўн йиллик давр воқеалари билан чекланиб қолганини тушунириб Муҳаммад Соқий Мустандхон ёзадики, «ботиний бино таъсисини зоҳирий ҳодисалар ифодасидан устун қўйган [Аврангзеб] битики [давом эттиришини] ман этди» (33-бет). Муаллиф Муҳаммад Козимнинг асаридан фойдалангани ҳусусида қўридаги тушуниришни келтиради: «Агар «Оламгиринома» муаллифи, сўз ва маъно устаси мэрзо Муҳаммад Козим битган ўн йиллик тарихини қисқа ҳолда олиб ўз ёзинмаларинга бошлагучи этсанг, ҳам ул саҳифага унвоқ ҳам эллик йиллик аҳбор бир йўла ҳосил бўлгай» (2-бет). Демак, Муҳаммад Соқий Мустандхон асарини биринчи ўн йиллик воқеалари баён қилинган қисми тўлалигича Муҳаммад Козимнинг «Оламгиринома»сига асосланган. Буни биз ҳар икки асарини солиштириганда ҳам кўрамыз.

Шундан келиб чиққан ҳолда шартли равишда «Маосири Оламгирий»ни икки қисмга бўлиш мумкин: I. Биринчи ўн йиллик; 2. Сўнги қирқ йиллик даврлар баёни.

Асарда воқеалар йилма-йил берилади. Урта аср тарихшунослигидаги анъанага кўра маълумотлар мазмун жиҳатидан сараланган эмас. Шунинг учун ҳам сиёсий, ҳарбий, давлат қурилиши, ҳукумат бошқаруви, иқтисодий-молиявий, ижтимоий, диний, маданий, сулолавий, табиат ҳодисалари, ташқи муносабатларга оид маълумотлар асарнинг турли саҳифаларида турлича ҳажмда қайд этилган.

Маълумки, Аврангзеб вафотидан (1118 йил зулқайда ойининг 28-си жума куни/1707 йил 3 март) сўнг Бобурийлар салтанатининг инқирозга юз тутиш даври бошланди. Шу нуқтани назардан Бобурийлар даврини ўрганишда Аврангзеб даври ўзига хос алоҳида ўрин эгаллайди дейиш мумкин. Шунинг учун ҳам асарда қайд этилган мамлакатни идора этган, субалар (вилоятлар) билан муносабатлар, янги ерларни забт этишга доир маълумотлар диққатга сазовор. Жумладан, Муҳаммад Соқий Мустандхон Аврангзебнинг Бенгалия, Ошом (Ассам), Бижуipur, Гўлқуида,

гирий, 138, 169, 190, 210, 228-бетлар; Хотиса ва тан девон олий ҳукмдорга тааллуқли ер-мулки ҳамда шаҳзода ва мансабдорларга даромад манбан ўрнида ажратилган жойларни бошқариш билан шугулланган.

¹ Хонисомон — мамлакатдаги марказий ҳукуматга тегишли корхоналар, дўконлар фаолияти устидан бошқарува ва назорат хизмати.

² Муҳаммад Ҳоли Комвархон, Таъкирот ас-салотини Чагатай, Дели-Бомбай, 1980, 51, 127-бетлар.

³ Уш асар, 1-31, 197, 228, 250, 243-бетлар.

⁴ Уш асар, 252-бет.

⁵ Zubir ib-Din Malik, The reign of Muhammad Shah 1719—1748, New Delhi—Bombay, 1977, P. 311.

⁶ Асар ҳақида қаранг: Ит историни культуриних сувбаи народов Средней Азии и Индии, Ташкент, 1986, С. 85.

Кобул, Суғор, Ажмир ва бошқа ўлкаларга уюштирган қатор ҳарбий юришлари хусусида келтирган маълумотлар муҳимлар (21, 22, 24, 25, 28—31, 44, 54, 55, 61, 63, 65—70, 79, 95, 112—114, 117—119, 121—122, 130—132, 135, 140, 147, 181, 210—215 ва бошқа бетлар). Бу маълумотларда Аврангзеб томонидан уюштирилган ҳарбий юришлар осон кетмагани, маҳаллий ҳукмдорлар, аҳоли томонидан кўрсатилган қаршиликлардан ташқари озиқ-овқат жиққелиги, очарчилик, вабо, ўлат каби касалликларнинг тарқалиши (147, 140, 155 ва бошқа бетлар) ҳақида ҳам бениҳоят муҳим далиллар бор.

Асарда қайд этилган қўшиннинг жангвор тузилиши (манглай, гул, ҳировул, баронгор, жавоногор, қоровул, чиндовул, талойа (талийа); ҳарбий бўлинмалар (тобингор, табардорон, бандуқчиён, бандуққан, тўнчи, барқандоз, тўпандоз, тўфангчиён); ҳарбий табиблар (мардуми баҳир), ҳарбий лавозимлар ва мансаблар (амир ул-умаро, сипаҳасалор, хидмати ўфтойи ўрду, хидмати ихтисоби ўрду, қозийи ўрду, қозийи лашқар мири бахшийи аҳадиён); қурол-аслаҳалар (тўнхона, тўнхонаийи калон, тўп, тўфанг, бандук, бандор, шутуриол, гажнол, гавҳарнол), ҳарбий-муҳандислик ишчиотлари, асбоблари (мурчла, мулжор, қалъа, дамдэма, фатила); ҳарбий ишонлиф (туг, байроқ, ногора)га оид маълумотлар гоёт муҳим аҳамият касб этади. Чунончи, 1085 йил ўрталари 1674 йил охирида Кобул вилоятига уюштирилган ҳарбий юришга бошчилик қилган амалдорларга Аврангзеб қўйидаги фармонида «аиб юборади: «Довонга кўтарилган замон, аввал ҳировул фавжи [довон] ошиб ўтсин-да нариги томонга ўрнасин. Кейинги куни ҳарбий табиблар ва гул фавжи ўтсин. Чиндовул бериги томонда бўла турсин. Учинчи куни агар баронгор фавжи учун йўл бўлмаса, ҳировул фавжи ҳамроҳлигида юрсинлар. Жавонгор фавжи эса [сўнг] чинновул фавжи билан ўтсин» (63-бет).

Асарда давлат тузилиши, бошқаруви (давони, хонисомони, ўрдубардори, садарот, вазорат, иморат, буйутот, назароти ҳарам, бахшигирийи доғ ва таسخиҳа, гуслхона, чиниҳона, филхона, тасбиҳона, дафтардор, обдори, жавоҳирхона, заргархона, қушхона, қурхона, жошамохона, наққошхона, ингорхона, воқеанависи ва б. қ.); маъмурий-маҳаллий бошқарув (субадор, қалъавор, кутвол, тўханадор, марзбон, фавждор ва б. қ.)га оид қимматли маълумотларни кўплаб учратishi мумкин. Масалан, мамлакат марказий ҳукумати ва жойларда молиявий-бошқарув, хизмат кўрсатишнинг бир қанча тизимлари тўғрисида маълумотлар бериб ўтилади: девони хос, девони хор ул-халофа, дивони дафтар, дивони холиса ва тан, наёбати девони, саҳиббағи, девони суба, пшдасти девонийи холиса (23, 36, 37, 48, 49, 50, 59, 66, 82, 87 ва бошқа бетлар). Шунга ўхшаш давлат муассасалари ва уларнинг шубҳаларини бахши (хазиначилик) мисолида ҳам кўриш мумкин. Масалан, мири бахши, бахшийи мулк, бахшигири, бахшигирийи аввал, бахшигирийи дуввум, бахшигирийи севвум, бахшийи тирандозон, бахшийи аввал, бахшийи дуввум, бахшийи севвум, пшдасти бахши, бахшийи мамолнк, бахшигирийи подшоҳзода, бахшийи аҳадиён, бахшигирийи тан, мири бахшийи аҳадиён (30, 31, 34, 41, 48, 49, 50, 51, 58, 64, 67, 74, 78, 80, 88, 89, 96, 97, 99, 111, 125 ва бошқа бетлар).

Будардан ташқари Муҳаммад Соқий Мустандох тадқиқотчи диққатини жалб этувчи бошқа қатор лавозимлар хусусида ҳам маълумотлар келтириб ўтади, чунончи, садр ас-судур, хонисомон, мухташиб, ихтисоб, тижорат беги, кур беги, мири тузук, мири тузуки аввал, бакавул, қушбеги, воқеанигор, воқеанавис, воқеахон, ахтабеги, таҳвилдор, мири муши, мири шикор, мири кўл, ҳаким ул-мулк, дафтардор, нахжиргир (13, 23, 26, 40, 41, 42, 46, 47, 48, 50, 51, 56, 57, 59, 74, 76, 82, 98, 99, 114, 138, 146, 155, 190 ва бошқа бетлар).

«Маосири Оламгирийи» Аврангзеб ҳукмдорлиги давридаги суд ишларига доир маълумотларни ҳам ўзига ҳам этган. Масалан, қозилар (қози, қози ал-қуззот, қозийи ўрду, қозийи лашқар, қозийи дор ул-халофа), уларнинг мамлакат ижтимоий-сиёсий ҳаётидаги ўрни ва роли, қозилик лавозимларини эгаллаб келган шахслар хусусидаги қимматли далиллар шулар жумласидандир. Чунончи, муаллиф гувоҳлик беришича, Аврангзеб 1094/1683 йили қозилик тизимига ўзгартириш киритиб, қозилик лавозимдан озоқ қилинган шахслар яна қайтадан ўз лавозимига тайинланиш ҳуқуқидан маҳрум этилсинлар деб фармон чиқаради (101-бет).

XVII асрнинг иккинчи ярми—XVIII аср бошларида Бобурийлар давлатида феодал институтлар: холиса, жоғир, заминдорий, танҳоқ тўғрисидаги маълумотлар (25, 42, 44, 47, 59, 62, 63, 66, 73, 93, 112, 145, 152 ва бошқа бетлар); солони (58, 70, 76, 92, 111, 136, 146 ва бошқа бетлар), рузона, явнийи, моҳона (108, 109, 144, 158, 174 ва бошқа бетлар) тайинлаш, аҳоли ва вилоятлардан тўпланадиган солиқлар (29, 79, 172 ва бошқа бетлар) хусусидаги муҳим маълумотлар мамлакатдаги ижтимоий-иқтисодий аҳолини ўрганишда гоёт зарур.

Асарда Бобурийлар томонидан олиб борилган қурилиш ишлари (қалъалар, масжидлар, гарибхоналар, бог-роғлар, ҳовузлар)га доир далиллар ҳам талайгина (15, 22, 40, 59, 100, 114, 115, 170 ва бошқа бетлар). Шунингдек, қалъалар, жойлар номидаги ўзағаринлар, уларнинг сабаблари хусусида ҳам қатор маълумотлар келтирилган. Масалан, ўша замонда Кучбиҳар—Оламгиринагар, Жом—Исломнагар, Жолком—Исломобод, Сафиднок—Мугуллобод, Маразак—Фатхобод, Бхагнагар—Ҳайдаробод, Акдуҳ—Асаднагар, Ратхур—Ферузобод қилиб ўзгартирилган (20, 26, 67, 134, 142, 146-бетлар).

«Маосири Оламгирий»нинг диққатга сазовор томонларидан яна бири шундаки, унда Аврангзебнинг диний қарашлари, у олиб борган диний сибсат тўғрисида муҳим маълумотлар келтирилган. Чунончи, Аврангзеб суннийликнинг ханафий мазҳаби тарафдори бўлган, мусулмончиликнинг барча шартларини сиқидилдан адо этган. Давлат ишларидан озод вақтини дин аҳли билан суҳбатларда ўтказган (231-бет), мусулмончиликка оид турли мавзуларда фикр алмашган. Шундай суҳбатлар натижаси ўлароқ Аврангзеб ташаббуси билан «Фатовийи Оламгирий» («Оламгир [Аврангзебнинг фатволари]» (233-бет) номли мусулмон қонуниётчилигига бағишланган асар юзга келган. Базан бир китобларда Аврангзеб мутаассиб, жаҳолатнараст давлат эрбоби сифатида талқин этилганини кўрамиз¹⁰. Ҳақиқатан Аврангзеб қаттиққўл, лекин турин-турмушда, маънафатда анча катмарин инсон бўлган. Муҳаммад Соқий Мустандохон келтирган маълумотларга кўра, Аврангзеб давлат мафсаалари йўлида ҳатто ўз фарзандларига инсбатан ҳам муросасиз бўлган. Унинг ўз ўғиллари Муҳаммад Акбар, Муҳаммад Муаззам, Муҳаммад Қомбахшлар билан бўлган келишимовчиликларига оид далиллар бор (89, 129—130, 172—175, 177 ва бошқа бетлар). Фикринини, Аврангзеб шахси ва фаолиятига баҳо беришда Муҳаммад Соқий Мустандохон баён этган кўйидаги маълумотлар ҳам назардан четда қолмаслиги керак. Аврангзебга бир неча марта суиқасд қилинган ёки шунга ҳаракат қилинган. Суиқасдчиларнинг баъзилари кувғолининг (калта бошлигининг) қўлига топширилган бўлса, баъзилари Аврангзеб буяручи билан қўйиб юборилган. Яна бошқа ҳолларда эса Аврангзеб шундай кишиларга инсбатан қундалик маош (рузона) тайинлаш тўғрисида фармойиш ҳам берган. Масалан, 1087 йил шаъбон ойининг 21-кунин (1676 йил, 29 октябрь) Аврангзеб Жоме масжидидан қайтар экан бир «бадбахт» шамишар яланғочлаб у томон талишгани, ammo қўриқчилар ўз вақтида уни қўлга олишгани, Аврангзеб эса бу шахсни авф этиб, унга қўнига ярим рушия маош тайинлабди (71-бет). Муҳаммад Соқий Мустандохон келтирган «муасави насаб, исави фазлу хунзарда эътиборига» Декан субоси девони Мусавихонинг Аврангзеб салафларидан эканлиги тўғрисидаги маълумотлар (148-бет), Аврангзеб фаолиятидаги давлат сибсати билан диний қарашлар муносабатини чуқурроқ ва ҳолисона ўрганишни талаб қилувчи яна бир далил бўлиб хизмат қилади. Бу борада «Маосири Оламгирий» саҳифаларида аёқ эйтирилган Бухтоналарин вайрон этиш, шариаат тартибларини жорий қилиш, шариаат маҳкамаларининг (маҳкамий шаръия) фаолияти, Аврангзебнинг: Макка ва Мадина, мусаллаб жойларга, нақибандия, жуйбория намоёндалари, саййидларга, зоҳидлик йўлига кирган турли шахсларга, оддий фуқароларга бўлган муносабатига доир маълумотлар гоёт муҳимдир.

Аврангзеб даврининг маданий ҳаёти, хусусан шoir, олим, хаттот, нақош, му-саввиқлар (мулла Шох Бадахший, мулла Азизулла, мулла Сося, мулла Аваз, мавлави Абдулла Сиялқутий, Дибнатхон, Мир Ҳоди, мулла Саъид, мирза Муҳаммад ибн хожн Қосим, хожн Некомл, Маҳобатхон, Муҳидхон, мулла Абдулла Табоҳ), табиблар (ҳаким Муҳаммад Амин, ҳаким Иброҳим, ҳаким Маҳдий, ҳаким Солиҳ) тўғрисидаги маълумотлар ҳам эътиборга моликдир.

Шунингдек, Бобурийлар тарихини ёритишда кўп меҳнат қилган XVII аср муаррихлари: «Подшоҳнома»нинг учинчи жилди муаллифи Ворисхон, «Амали Солиҳ ал-мавсум ба Шохжаҳоннома» муаллифи Муҳаммад Солиҳ Какбў, «Оламгирнома» муаллифи Муҳаммад Қозим-мушши, «Маръот ул-олам» муаллифи Бахтовархонларга тегишли гоёт қизиқарли маълумотлар ҳам ушбу асар саҳифаларидан (56, 63, 74 ва бошқа бетлар) жой олганини таъкидлаб ўтиш жоиз.

Бобурийлар панжарасини, хусусан Аврангзеб авлодларини аниқ билиб олишда ҳам Муҳаммад Соқий Мустандохон келтирган маълумотлар ўта қимматли. Масалан, Аврангзебнинг беш ўғли (Муҳаммад Султон, Муҳаммад Муаззам, Муҳаммад Аъзам, Муҳаммад Акбар, Муҳаммад Қомбахш), беш қизи (Зобунисо, Зийнатулнисо, Бадрулнисо, Зубдатулнисо, Маҳрулнисо бегимлар), кувёлари, набиралари, опа-сингиллари, ака-укалари ва уларнинг авлодларига доир далиллар диққатга сазовордир.

Муаллиф назаридан табиат ҳодисаларига, чунончи, ер қимирлаши (41, 55, 60-бетлар), кўёб тутилиши (39-бет), камалак чиқиши (59-бет), Ҳинд заминига тез-тез рўй бериб турадиган кучли селу тўфонларга оид маълумотлар ҳам четда қолмаган. «Маосири Оламгирий»нинг муҳим тарихий манба сифатида қимматли томонларидан бири унда Бобурийлар салтанатининг XVII аср иккинчи ярми—XVIII аср бошларидиги Бухоро элини, Балх, Қонгар, Эрон, баъзи бир араб мамлакатлари билан олиб борган алоқаларига доир маълумотларнинг мавжудлиги ва қўлигидир. Хусусан, Бухоро холиғи ва Бобурийлар давлати ўртасидаги элчилик алоқалари бора-бора муаллиф қатор муҳим дондаларни юлтириб ўтадики, улар асосида элчи-даврининг шахси, сафар вақти ва даражасини, элчиларга жойларда кўрсатилган муносабат шартли бўлишини, яки томонлама алоқаларининг савини, асосий йўналишлари тўғрисидаги тасаввурни байқати мумкин.

«Маосири Оламгирий»да баъи шундай маълумотларга умумий жиҳатдан таъриф бериб ўтдик, ҳолоки Аъзо умумий билдирганинг ўзи ҳам асарнинг XVII аср иккинчи ярми—XVIII аср бошларида Бобурийлар тарихини ўрганишда муҳим манба бўлиб хизмат қилишини сўраётиб турибди.

А. Зийёев

¹⁰ Қаранг: История Индии в середине века. М., 1968, С. 516.

Изучение историографии проблем культуры 20—30-х годов показывает, что с конца 20-х годов складываются определенные теоретические воззрения на пути развития культуры, ее содержание и формы. Нельзя сказать, что уже в то время существовали какие-то специальные работы, освещавшие теорию вопроса, однако почти вся литература пронизана политическими идеями, которые в готовой форме были слышны «сверху», из директивных органов и не подлежали никакой критике. Одна из доминирующих идей, пронизывающих всю литературу 30-х годов, — идея классовой борьбы. Любые проявления шовинизма воспринимались как «противодействие классового врага». Незримый классовый враг ведет свое «наступление» всюду: в школе, литературе, искусстве и даже в быту — таков лейтмотив литературы того периода. Нагнетание подозрительности и страха, выискивание врага, выдумывание его и бичевание, идеологический прессинг, проникавшие всюду: в ту же школу, искусство, литературу, в среду студентов и преподавателей вузов, — создавали особую атмосферу, которая нашла свое яркое отражение и в материалах периодической печати. Названия статей однотипны и четко выражают их направленность: «Идеологические прорывы на фронте культурной революции», «На борьбу с классовым врагом на идеологическом фронте», «Националистическая контрреволюция и ее пособники у нас», «Борьба с ползучими (национальными) уклонами в вопросах политтехнизации школ Узбекистана» и др.

Эта идея нанесла сокрушительный удар не только до интеллигенции, но и по всему процессу культурного развития Узбекистана, ибо, как писал русский философ И. А. Ильин, изгнанный в 1922 г. из СССР и ставший впоследствии ученым с мировым именем: «Духовная культура не есть личное, или групповое, или классовое достояние; в своих истинных достижениях она даже сверхнациональна. Но по своему опытного источнику, по своему творческому ритму и по своему своеобразию — она национальна, а в пределах единой, духовно сопринадлежащей нации она всенародна»¹.

Итак, решение культурной программы, став prerogative управленческого аппарата страны, ограничившего ее классовыми рамками, приобрело узконаправленный, ограниченный характер. Хотя эта программа и называлась всеобъемлющим понятием «культурная революция», но на рубеже 20—30-х годов ограничивалась и сводилась лишь к решению отдельных актуальных задач культурного строительства: ликбез, школьное строительство, подготовка кадров и т. п. — и к тому же несла идею пролетаризации всех направлений культуры.

Теория культурного строительства была основана не только на классовой борьбе, но и на борьбе с двумя течениями как в культуре, так и в других сферах жизни общества, — с так называемыми национализмом и великодержавным шовинизмом.

Для публикаций этого времени характерно увязывание всего с этими двумя «уклонами»: в идеологии. О чем бы ни шла речь в статьях, это непременно связывалось с борьбой против национализма и великодержавного шовинизма, так же, как с классовой борьбой. Статьи В. Нарышкина, П. Галузо, С. Диманштейна и др. были посвящены различным темам, но основной стержень был один — борьба с уклонами. Если В. Нарышкин говорил о борьбе с уклонами в школе², то П. Галузо — в Наркомпросе³, а С. Диманштейн — в востоковедении⁴. П. Галузо в докладе, прочитанном на Среднеазиатском парткульсе везициии (25 апреля 1933 г.), после постановления Средазбюро ЦК ВКП(б) 27 марта 1933 г. о чистке учительских кадров, резко критиковал Наркомпрос за отсутствие борьбы со «всего рода чуждыми элементами», якобы проникающими как в школу, так и в педагогические учебные заведения⁵. П. Галузо считал это не случайным, а связанным с национализмом и великодержавным шовинизмом. В доказательство он критиковал книгу Т. Журженева, бывшего руководителя Наркомпроса Узбекистана, «Строительство социализма и культурная революция в Узбекистане»⁶. Но критика П. Галузо носила явно иридричевый характер: с проявлениями невежества в отношении известного в мире ученого В. В. Бартольда. Хотя Т. Журженев в своей книге не делал различия между понятиями «национализм» и «национальное движение», он в общем правильно

¹ Нарышкин В. Борьба с ползучими (национальными) уклонами в вопросах политтехнизации школ Узбекистана // За коммунистическое просвещение. 1931. № 3. С. 69—72.

² Галузо П. Классовая борьба за школу и красную чайхану // Галузо П. О школах. Ташкент, 1933. С. 28—44.

³ Диманштейн С. Народное образование национальностей СССР и задачи востоковедения // Новый Восток. 1929. № 25. С. 36.

⁴ Галузо П. Классовая борьба за школу и красную чайхану. С. 29—31.

⁵ Журженев Г. Строительство социализма и культурная революция в Узбекистане. Ташкент, 1932. 112 с.

считал, что носителями последнего были джадиды, которые значительно окрепли после 1905 г. и обрели особую силу и авторитет среди населения. Но, основываясь на высказывании Т. Жургенева, что джадидское движение исчезло, П. Галазо обвинял его в игнорировании яровки существовавшего еще национализма, в «отсутствии развернутого вопроса о классовой борьбе за школу, о борьбе на два фронта на участке культурного строительства».

Аналогичным образом любая публикация по «вопросам культурного развития, не имеющая классовой платформы, подвергалась уничтожающей критике. Даже переводческую работу П. Галазо возводил в ранг классовой борьбы. Опечатки⁶ в текстах переводов он считал проявлением вредительства и непартийного руководства УзГИЗа, «зазорностью его классово чуждыми элементами». Неудачные переводы работ классиков марксизма-ленинизма объяснялись «прониками» тех же врагов.

В. Нарышкин связывал национальные уклоны с политтехнизацией школ Узбекистана. Несоблюдения с тенденцией политтехнизации школ сводились им в конечном счете к оппортунизму, национальному и великодержавному шовинизму. Мнение о необходимости своих, специфических форм развития образования с учетом местных особенностей жизни и быта узбекского народа считалось проявлением национализма, а мнение о необходимости использования опыта работы Наркомпроса РСФСР автор относил к велишкам великодержавного шовинизма. Понятие же политтехнизации в понимании автора означало агротехническую направленность школ, т. е. их следовало поставить на службу хлопководству, поскольку оно требует большого количества детских рук. Это В. Нарышкин называл «переходом от иллюстративности к действительности, определяющим изменение содержания школьной работы». В сущности эта идея попросту прикрывала начало систематической эксплуатации детского труда на хлопковых полях. Другие точки зрения расценивались как враждебные, противодействующие «политтехнизации школ, как мощному фактору классовой борьбы и культурной революции»⁷.

Рассуждения С. Диманштейна еще более претенциозны. Решительно выступая за отвержение части интеллигенции при переходе к социализму, он выражал уверенность в том, что «контрреволюционные и буржуазные националистические характеры». Таким образом, С. Диманштейн четко выразил доминирующую и назойливую идею тех лет: подбор наиболее надежных с классовой точки зрения кадров интеллигенции из наиболее низших, «социально надежных» слоев населения обеспечит изоляцию сферы культуры как от национализма, так и от великодержавного шовинизма. По сути дела предлагалось исходить из известного закономерного явления — чем ниже интеллектуальный уровень, тем меньше раздумий и вопросов: значит, надо социально упростить кадровый состав работников культуры, изолировать его наиболее ценный, интеллектуально развитый корпус. Такая позиция была, на наш взгляд, проявлением геноцида по отношению к восточным народам СССР.

Еще более обескураживающими были высказывания музейного работника М. М. Цвибака. Он пытался концептуально изменить деятельность музеев, противопоставляя старой методике работы новую. Считая главной не научную, а просветительскую работу музеев, он основывался на классовом подходе. «Революционная эпоха, — писал М. М. Цвибак, — сделала музей объектом внимания широких масс «музейного зрителя», в большей своей части вооруженного определенным мировоззрением, в котором социализм и классовый подход являются основами»⁸. Исходя из этого, он выступал за широкое внедрение некоего «социально комплексного подхода» в изучение материальной культуры, частью которого считал классовый подход в исследовательской работе музеев⁹.

Главный тезис программы «культурной революции» в рассматриваемый период заключался в создании «национальной по форме и пролетарской по содержанию культуры». Эта идея по сравнению с другими оказалась живучей и доминировала много лет. Но в 30-е годы методом ее осуществления была пролетаризация кадров во всех направлениях культуры: науке, искусстве, литературе. Основной же формой пролетаризации было выдвиженчество. Естественно, и литература базировалась на этой концепции. Но, судя по возмущенным высказываниям некоторых авторов статей, «отдельные партийцы-хозяйственники считали, что выдвижение понижает продуктивность и качество работы». Конечно же, они тогда причислялись авторами к стану классово нужных элементов или находящихся под их влиянием¹⁰.

⁶ Нарышкин В. Борьба с ползучими (национальными) уклонами в вопросах политтехнизации школ Узбекистана. С. 70.

⁷ Диманштейн С. Народное образование национальностей СССР и задачи востоковедения. С. 36.

⁸ Цвибак М. М. К постановке этнографической работы Главного Среднеазиатского музея // Известия Среднеазиатского Комитета по делам музеев, искусства, природы. Вып. 3. Ташкент, 1928. С. 305.

⁹ Там же.

¹⁰ Письменный С. На борьбу с классовым врагом на идеологическом фронте: К итогам XVII пленума Средазбюро ЦК ВКП(б) // За партию. 1928. № 10. С. 19.

Весьма широко распространившиеся в те годы выдвиженчество и укореившаяся система краткосрочной подготовки молодых специалистов часто создавали вполне реальную проблему, а на деле приводили к разрыву между интеллигенцией мало-квалифицированными людьми, способствовали консервации таких нежелательных явлений, как некомпетентность, грубость, бюрократизм, конформизм и т. п. На первое место ставили не степень образования, не культурный и интеллектуальный уровень человека, а его социальное происхождение. Н. А. Зеленицкий, придерживавшийся, как и большинство партийных работников, официальной точки зрения на этот вопрос, в докладе на Среднеазиатском совещании по народному образованию приводил такие данные: «Мы подготовили и выпустили на культурную работу следующие лиц по своему социальному происхождению: детей крупных торговцев — 37%, детей мелких и средних торговцев — 37%, детей деревенских баев — 18%, детей دهقان — 9% и детей кустарей — 9%». Основываясь на этих данных по педагогическому техникуму, он высказывал свое возмущение по поводу того, что культура на 80% насаждается на «ужудой социальной среды».

Современный же историк из этого может сделать вполне естественный вывод о том, что чем выше социальная среда, тем больше стремления к знаниям и культуре. Таким образом, заслон, ставившийся в 30-е годы при поступлении в техникумы и вузы представителями «ужудой среды», на наш взгляд, значительно затормозил пополнение состава кадров культуры ценными, знающими, квалифицированными работниками. Однако тезис пролетаризации кадров и создания пролетарской культуры стал основной моралью и руководящих органов, и самого общества.

Здесь уместно вспомнить, как трактовал данный вопрос Л. Д. Троцкий. В своей книге «Литература и революция» (1923 г.) он писал, что период диктатуры пролетариата слишком краток для того, чтобы создать новую культуру, что это всего лишь «дневка» во время похода. Троцкий считал, что пролетарской культуры не только нет, но и не будет. В связи с утверждением пролетарской культуры мог бы и должен был встать вопрос о культуре интеллигенции и крестьянской культуре. Как же было уместить это в тоталитарно-государственную концепцию? Однако публикации 30-х годов не дают ответа на этот вопрос и не ставят его.

В литературе ярко проявляется и тенденция русификации культуры. Влияние русской культуры в те годы было очень сильным. Попытки противопоставления двух культур: русской и вообще европейской и восточной — носили в некоторых статьях агрессивный характер. Например, С. Письменный, критикуя якобы анти-советские классовые происки врагов в школе и вузах, писал: «Не Горький и Серафимович, не Фадеев, а Чулланы и Гази Юнусовы¹², Муминджаны Мухамеджановы¹³, Махмад-Кули (видимо, — Махтумкули — Д. А.) и Семды, Дюлопы, Фареры, Кермивуды и т. д. и т. д. — вот пища, которой питается юношество при активной помощи националистически настроенных «поваров-педагогов»¹⁴.

Можно составить лишь самое положительное представление о юношестве, умы которого питались произведениями этих лучших представителей узбекской и мировой литературы. Однако сей «просвещенный» автор относил наиболее самобытных и талантливых представителей узбекской литературы в разряд националистов, изредка: «Господствуют в литературе еще до сих пор Чулланы. Произведения Чуллана, а не молодянка печатаются в хрестоматиях»¹⁵. Отсюда ясно, что травля Чуллана началась задолго до его репрессирования. Статья написана в 1928 г., в годы наиболее бурного проявления его таланта. Но, возможно, С. Письменный был прав в том, что «художественной национальной литературе были чужды пафос революционной борьбы и творчества», хотя и вкладывал в это иной смысл, чем мы. Нынче это можно расценивать не как недостаток, а как период самостоятельного развития узбекской литературы.

Сейчас, бросая взгляд в прошлое, мы по достоинству можем оценить тезис К. Каутского, который, раздумывая о развитии нового общества после революции, выдвигал идею невмешательства государства в область духовной жизни и предостерегал общество, что обратное может привести «к скверным последствиям, однообразию и застою в области культуры»¹⁶. Но, как известно, государственное управление культурой, проникновение бюрократизма, нигилизма и силовых методов в его сферу обернулись более страшной трагедией, чем предрекал К. Каутский, особенно для народов, зависевших от «Центра».

Отрицание культурного наследия, проявлявшееся в республиканской печати в конце 20-х годов, также было проявлением «пролеткульта». Процесс замены кадров можно охарактеризовать словами М. Н. Покровского: «... количеством дома некоторые горячие товарищи мерили достоинство советского работника»¹⁷. Однако

¹² Зеленицкий И. В борьбе за культуру // За партию. 1928. № 7 (11). С. 12.

¹³ Гази Юнусов — известный в те годы ученый-лингвист.

¹⁴ М. Мухамаджанов — автор книги «Турмуш уринишлари» (1926 г.).

¹⁵ Письменный С. Указ. статья. С. 16.

¹⁶ Там же. С. 18.

¹⁷ Каутский К. На другой день после социальной революции. Пр., 1917.

¹⁷ Покровский М. Н. Воспоминания о Ленине. М., 1933. С. 9.

было бы ошибочным полагать, что советская доктрина культуры строилась на отрицании всякого культурного наследия, как, впрочем, это делали отдельные ее носители. Публицистика свидетельствует, что предлагались и компромиссные решения: брать полезное и отвергать ненужное. Чем же это определялось? Рассуждения на этот счет представителя партийной номенклатуры в Узбекистане И. А. Зеленинского представляют несомненный интерес. «... Старая культура — писал он, — состоит из двух элементов — из материальной части, из того производственного аппарата, которым мы овладели, из тех знаний точных наук (математики и т. д.), которые являются непосредственно сопутствующими этому хозяйственному и техническому базису, и идеологической, которая выросла не только из факта того уровня развития производительных сил, которые имеются, но еще из факта распределения орудий и средств производства (наличие собственности на эти орудия и средства производства). Вот эту часть культуры, которая выросла из факта существования и сохранения частной собственности, мы должны выбросить вон»¹⁸. Такое расчленение культуры, лакумусовой бумагой которого служила тоталитарная идеология, не могло принести, да и не пришлось ничего, кроме вреда.

В конце 30-х годов официальная позиция в отношении культурного наследия уже была другой. Явным примером тому служит брошюра И. Штерна, в которой уже резкой критике подвергалось отрицание культурного наследия узбекского народа, в частности творчества А. Навои, как реакционного и мистического. Представители же пролеткульта, которые еще недавно были вершителями судеб, теперь назывались троцкистско-бухаринскими и буржуазными националистами¹⁹. Признавая ценность культурного наследия народа, И. Штерн, согласно велению времени, не забывал подчеркнуть ведущую роль русского народа, русской культуры, русского языка. Но противоречия самому себе, подробно рассуждая о культурном наследии узбекского народа, автор вместе с тем утверждал, что до революции интеллигенция как таковая в Туркестане отсутствовала, а отдельные ее представители были чужды народу. Между тем, культурное наследие — это в значительной степени продукт творческой интеллигенции. Если ее не было, не могло быть и культуры, и ее наследия. Истинное рождение пролетарской интеллигенции И. Штерн связывал, конечно же, с Октябрьской революцией, с именем «великого вождя народов», усвоением марксизма.

Упорное внедрение марксизма в идеологию общества отрицало всякое другое мифозозерцание. Профессура, не принимавшая ее, естественно, объявлялась враждебной строю. Об этом немало умозаключений делал С. Письменный, утверждавший, что «попытки идеологически враждебной нам профессуре не встречаются почти никакого отпора», и позволявший себе критиковать профессоров Успенского и Вайштейна за якобы их высказывание об утоличности идеи индустриализации (при этом автор ссылается на сообщение некоего Гаврилова)²⁰.

Призыв «наступления на враждебную идеологию» пронизывал всю литературу 30-х годов. Отмеченные выше вопросы классовой борьбы, пролетаризации и социализации кадров, форсирования темпов культурного строительства были основными и в ряде брошюр, изданных в это время²¹. Как правило, они пестрели статистическими данными о достижениях в развитии народного образования и других сфер культуры. Но эта интенсификация и бесконечная погоня за количественными показателями привела к тому, что культура теряла свое качество. Несмотря на преодоление неграмотности, похлевание большого количества школ и вузов, проходило явное обеднение культуры. Этот процесс шел за счет полного очищения интеллигенции от «классовых врагов» (а в их числе оказались ее лучшие представители), постоянной гонки за результатами, идеологического прессинга над народом. Все это в конечном счете приводило к примитивизации литературы, искусства, образования и, естественно, содержания периодической печати. Сильно пострадали филологическая и иные гуманитарные науки, изучавшие жизнь общества односторонне, поверхностно и в радужных красках. Мы не склонны отрицать те позитивные изменения, которые имели место в рассматриваемый период в Узбекистане. Однако уже по анализированным публикациям можно судить о степени ущерба, нанесенного национальной культуре и ее кадрам репрессиями и всей обстановкой 30-х годов. Такие же выводы можно сделать и по самой историографии указанного периода, в целом наглядно отражавшей общественно-политическую атмосферу той эпохи.

Д. А. Алимова

¹⁸ Зеленинский И. В борьбе за культуру. С. 12.

¹⁹ Штерн И. Социалистическая культура узбекского народа. Ташкент, 1938. С. 66.

²⁰ Письменный С. О некоторых основных моментах в работе школы в действующем учебном году // За партию. 1928. № 8, (42). С. 7.

²¹ Культурная революция на новом этапе. Ташкент, 1931. С. 20; Ленин С. Боевые вопросы антипролетарии во втором году пятилетки. М.; Ташкент, 1930. С. 158, и др.

АХБОРОТ

ИЧКИ ИШЛАР ВАЗИРЛИГИНИНГ ОЛИЙ МАКТАБИДАГИ ИЛМИЙ ТАДҚИҚОТЛАР ҲАҚИДА

Ўзбекистон Республикаси ИИВ Олий мактаби ташкил этилган даврдан буён ўтган йиллар давомида йirik илмий марказга айланди. Унинг имкониятлари мунтазам ўсиб бормоқда. Олий ўқув юртида 12 та фан доктори ва 70 дан ортиқ фан номзода илмий фаолиятини давом эттирмоқда. Уларнинг вазифаси ички ишлар органлари учун мутахассислар тайёрлаш сифатини яхшилаш, илмий маҳсулотлар самарадорлигини ошириш, ҳуқуқ-тартибот органларида долзарб масалалар тадқиқотини кучайтириш, натижаларини амалиёт ва ўқув жараёналарига жорий этишни жадаллаштириш, шунингдек, илгэр амалий тажрибаларни умумлаштириш ва ундан фойдаланишдан иборат. Олий мактаб кафедралари ва илмий тадқиқот, тахририят-нашриёт бўлими ўзбек тилида ўқув фанлари бўйича дастурлар, дидактик услубий қўлланмалар, маърузалар, ҳуқуқшунослик терминлари бўйича лугат ва маълумот-номалар, ҳуқуқий, процессуал ва оператив хизмат ҳужжатларини тайёрлаш билан шуғулланишлар. Олий мактаб чоп этган китобларнинг кўпчилигини республика ҳуқуқий жамоатчилиги манзур топиб юдори баҳоламоқда.

Кафедралар ташаббуси ва Ўзбекистон Республикаси ИИВнинг буюртмалари бўйича муҳим тадқиқот ишлари олиб борилмоқда. Ўлар кўп қирралидир. Жиноятчиликнинг олдин оlish (З. С. Зарипов, И. Ю. Кержнер, И. Исмоилов), гуруҳий ва уюшган жиноятчиликка қарши кураш (Р. Р. Сантбев, Б. С. Шабанов), гнѐх-вандикка қарчи курашда ички ишлар органлари фаолиятини такомиллаштириш (Р. М. Абизов, М. М. Қодиров, Ю. С. Пулатов, Х. Д. Тожибоев, А. Н. Юрин, А. С. Екубов), терговни такомиллаштириш муаммолари (В. Д. Луликос, И. Х. Турсумов) давлат органлари фаолиятида қонунийликка риоя қилиш, ҳуқуқий давлатни шакллантириш (Р. Қ. Қаймов, А. Қ. Қодиров, А. Т. Дзанаров), олий ўқув юрларида ўқитиш методикаси мазмуни ва ташкилий томонлари (Р. А. Мағдиев), ижтимоий-сиёсий фанлардан дарс беришнинг замонавий илмий-услубий асослари (Б. Т. Тўйчиев, Э. Қ. Орифжонов), ички ишлар органларида миллатлараро маданий муносабатларни шакллантириш (Б. И. Кононенко), мутахассислик тилини ўқитишнинг лингвистик-услубий муаммолари (В. М. Ревтов, Т. З. Имомов, Т. А. Яцюк) каби илмий тадқиқот ишлари олиб борилмоқда. Олий мактаб томонида доимий равишда илмий ишлар, монографиялар, ўқув қўлланмалар чоп этиб турилади. Олий мактаб ташкил этилгандан буён умумий ҳажми 1900 босма табақдан ортиқ 300 дан ошиқ турли рисодалар чоп этилди.

Мактабнинг профессор-ўқитувчилари таркиби давлат органларининг қонуни жодкорлари фаолиятига ўзларининг салмоқли улушларини қўшиб келмоқдалар. Амалда Ўзбекистон Республикасининг барча қонуллари ва норматив ҳужжатлари лойиҳаларида ўқитувчиларнинг фикри ҳисобга олинган. Улар орасида «Миллий тўғрисида», «Суд ҳокимияти ҳақида», «Оператив-қидирув фаолияти тўғрисида», «Ўзбекистон Республикаси Олий суди тўғрисида», «Гражданиларнинг Ўзбекистон Республикасидан хорижга чиқишлари ва хориждан республика ҳудудига келишлари тартиби тўғрисида», Жиноят-процессуал кодекс, Жиноят кодекси, Гражданлик кодекси, Меҳнат қонуни кодекси, Маъмурий ҳуқуқбузарлик кодекси, Ўзбекистон Республикаси прокуратураси тўғрисидаги қонуни боп.

Ўқитувчилар Республикаси маркази ва турли шаҳарларда ўтказилган илмий-амалий анжуманларда фаол иштирок этиб келмоқдалар. Илмий-амалий анжуманлар ўтказиш анъанавий тус олди. Чоп этилган китоблар бўйича китобхоналарнинг анжуманлари ўтказилиб турилади. Жумладан, Президент Н. Каримовнинг чоп этилган рисодалари муҳокама қилинди.

Дидакт-эйтибор ўқитувчиларнинг педагогик маҳорати ва илмий малякаларини оширишга қаратилган. Улар институт ва мактаба ошириш факультетларида, олий академия курсларида, турли семинарларда иштирок этишлар, амалий иш билан шуғулланибган органлар ўқув юрлари ва илмий тадқиқот муассасаларида стажировкадан ўтадилар. Сўнгги 3- йил мобайнида ўқитувчиларнинг яридан ортиқроғи ўз малакаларини оширдилар. Ҳозирги кунда олий мактабнинг 2 та ўқитувчиси докторантурада, 12 киши эса адъюнктурада (улардан 7 киши кундузги) таҳсил олмақда. Янгида Республикада Олий аттестация комиссияси Олий мактабда ихтисослашган кенган оғиш тўғрисида қарор қилди.

Тингловчиларнинг илмий изланишларини ривожлантириш масаласига жиддий эйтибор берилмоқда. Уларга илмий тадқиқот асослари курси ва бутун таълим давомида тингловчиларнинг илмий тадқиқот ишларини танкил этиш комплекс режасини рѐбга қичариш ҳам ўз таъсирини кўрсатди. Тингловчилари илмий тадқиқот ишларига кенгроқ жалб этиш ўқув-тарбия жараёнининг ўзагига айлинди, бу уларни мустақил ишлашга, мазмуни, тўғри фикрлашга, амалий вазифаларини ҳал этишда илмий материаллардан фойдалана билишга ўргатади.

Ҳозирги кунда 15 та илмий тўғарак ва муаммовий гуруҳлар ишлаб турибди, булар тингловчиларнинг илмий тадқиқот марказларига айлана қолган. Мактаб

тингловчилари ҳар йили табиий, техникавий, гуманитар фанлар ва махсус тема-тика бўйича республика тингловларида фаол иштирок этадилар. Улар бир қатор медаллар, дипломи, фахрий ёрлиқ ва бошқа мукофотлар билан тақдирланганлар.

Олий мактабда ички ишлар органларининг ходимлари билан амалий ҳамкор-лик қилишга жиддий эътибор берилади. Ўқув жараёни ички ишлар органларининг илгор тажрибаларидан фойдаланиш, маърузалар, ўқув-услубий материаллар тайёр-лаш орқали амалда оширилади.

Олий мактабнинг ўқитувчилари — ИИВ ҳайъати, вазирлиқнинг ўқув-услубий комиссиялари ҳамда Олий Суд ва Прокуратуранинг услубий хенгашлари ишларида иштирок этадилар.

Криминалистика, жиноят ҳуқуқи ва жараёни, криминалогия кафедраларида жиноят-қидирув ишларини такомиллаштириш, меҳнат ва ахлоқ тузатиш муассасалари ҳамда ички ишлар органларида бошқа хизматлар ишини яхшилаш, вояга етмаган ҳуқуқбузарлар билан ишлаш самарадорлигини ошириш бўйича таклифлар мунтазам тайёрлаб борилади.

Мактаб ўқитувчилари ва Республика ИИВ ходимларининг жойларда ички ишлар органларининг фаолиятини назорат қилиш ва текширувларида иштирок этиш-лари одат тусига кириб бормоқда. Бундай ҳамкорлиқнинг ўзаро икки томонлама фойдаси бўлиб, бунда ўқитувчилар ўқиш жараёнида фойдаланиш учун қўшимча маълумотларга эга бўладилар, амалий иш билан шугулланувчи ходимлар эса жи-ноятчиликка қарши курашнинг илгор шакл ва усулларини амалда қўлшаш бўйича таклиф ва тавсиялар оладилар.

Мактабнинг доимий таркиби ва тингловчилари патрул-пост хизматини ўтайди, жамоат тартибни сақлашда ички ишлар ҳудудий органларига амалий ёрдам беради.

Мактаб жамоаси Олимпиада ўйинлари вақтида жамоат тартибни сақлашда иштирок этади. Ҳар иккала ҳолатда ҳам шахсий таркиб вазифани «аъло» даражада бажариб, собиқ Иттифоқ Ички ишлар министрлигининг бўйруғига қўра рағбатлан-тириди. Мактабнинг Т. А. Жалилов, Т. А. Орипов ҳамда А. А. Дорохов каби ходимлари ҳуқумат мукофотлари билан тақдирландилар.

Мактаб ходимлари ва тингловчилари кўпгина «қайноқ» нуқталарда хизматни ўтаб, оммавий тартибсизликларнинг олдини олдилар, фуқароларнинг тинчлиги ва осойишта меҳнат қилишини таъминладилар. Асосий эътибор мактаб ўқитувчилари таркибининг сифатини яхшилаш ҳамда уларнинг касб малакаларини чуқурроқ ўр-ғанишларига қаратилган.

Мактабнинг юқори босқич тингловчилари ўқув тажрибаси ва стажировкаси даврида, жиноят ҳуқуқи ва жараёни, криминалистика, криминалогия, оператив-қидирув фаолияти ва маъмурий-ҳуқуқ кафедраларининг ўқитувчилари амалий иш билан шугулланувчи ходимларга берилган дастурларини бажаришларида ёрдам бер-дилар. Шу вақтнинг ўзида стажировка раҳбарлари мактаб тингловчиларига опера-тив-тергов ва профилактика талбирлари ўтказиш шакллари, усуллари ва йўллари ҳақида таълим берадилар. Стажировка ва ўқув тажрибаси якунлари ҳимояси ама-лий органларда ўтказилади.

Тингловчиларда таълимнинг амалий томонини кучайтириш мақсадида Тошкент вилояти ҳокимлиги ва Тошкент шаҳар ҳокимлиги ички ишлар бошқармаларида, Ҳамза ва Мирзо Улугбек ноҳиялари ички ишлар бўлимларида мактабнинг ихтисос-лашган кафедралари филиаллари ташкил этилган. Кафедраларнинг семинарлари ва амалий машғуллотлари амалий иш билан шугулланувчи ходимлар иштирокида ана шу филиалларда ўтказилади.

Мактабнинг профессор-ўқитувчилари жиноятчилик билан курашда илгор таж-рибаларни ўрганиб, уларни умумлаштириб кенг тарғиб қилишда ички ишлар орган-ларига ёрдам бермоқдалар.

Бундай ишлар уюшган ва гуруҳий жиноятчилик, гиёҳвандлик, давлат ва шах-сий мол-мулкни талон-торож қилиш каби жиноий ишлар бўйича ўтказилади.

Амалий иш билан шугулланувчи органлар билан доимий алоқа боғлаб турувчи марказлардан бири — малака ошириш факультети бўлиб қолди. Бу факультетда жиноятни очиб ва тергов қилиш махсус кафедраси ташкил этилди, унда тажрибали, ўз соҳасининг билимдонлари хизмат қиладилар. Улар шаҳар ва ноҳия ички ишлар бўлимлари, уларнинг ўринбосарлари, бошқа маъсул ходимлар, терговчиларга жи-ноятчиликка қарши курашнинг замонавий услубларини ўргатадилар.

Мактабда тингловчилар билан тарбиявий ишларни ўтказишга ҳам кенг ўрин ажратилган. Мактабнинг ҳуқуқшунослик олий ўқув юрти сифатидаги ўзига хос томонларини ҳисобга олиб, фуқароларнинг ижтимоий адолат принципларига қатъий риоя этиб, уларнинг Конституциявий ҳуқуқлари ва қонуний манфаатларини қўриқлашни таъминловчи ҳуқуқ-тартибот органлари бўлган офицерларини тайёр-лайдилар.

Олий мактабда умумий ва махсус қироатхоналар, клуб, спорт иншоотлари бор. Машҳур ёзувчилар, шоирлар, артистлар, олимлар, ички ишлар органларининг фах-рийлари, Улуг Ватан уруши қатнашчилари билан муттасил учрашувлар ўтказиб турилади.

Милиция ходимлари фаолиятида касб маҳоратларининг муваффақиятини белги-ловчи асосий омиллардан бири — уларнинг жағовар ва жисмоний тайёргарлиги да-

ражасидир. Бу йўналиш бўйича мактабнинг жанговар-сафарбарлик ва махсус тактика ҳамда жанговар ва жисмоний тайёргарлик кафедралари ходимлари кўпгина ишларни амалга оширмоқдалар. Милиция Олий ўқув юрти спортчилари кўп йиллардан буён халқаро мусобақалар, спартакиадалар, Динамо чемпионатлари ва бошқа кўпгина пойгаларда иштирок этиб келмоқдалар. Мактаб спортчилари бир неча марта МДХ ички ишлар органларининг ўқув юртлари ўртасида спортнинг хизмат соҳаси амалий тури бўйича ютуқларни қўлга киритганлар. Спортнинг самбо, дзюдо, отиш, енгил атлетика, шарқ яккакураши бўйича секциялари мунтазам ишлаб турибди. Республикада хизмат кўрсатган спорт тренерлари раҳбарлигида курашчи-дзюдочилар ва самбочиларимиз анча муваффақиятларни қўлга киритганлар. Кўпгина аъло даражада курашчилар, спорт усталари ва усталикка номзодлар тайёрланган.

Шуни ҳам айтиш керакки, мактаб мураббийлари жанговар жисмоний тайёргарлик борасида ҳам илмий изланишда. Олий мактаб жамоаси Ўзбекистон республикасининг мустақиллигини мустаҳкамлашга ўз ҳиссасини қўшиб келмоқда.

Ф. Абдумажидов

МУНДАРИЖА

О. Ҳ. Ҳикматов, Б. М. Шепелев. Бозорга ўтиш шароитида инвестицион фаолиятни маблағ билан таъминлаш масалалари	3
А. Г. Қаҳҳоров. Регионал экологик муаммоларнинг баъзи социологик жиҳатлари (Аниқ социологик тадқиқот материаллари бўйича)	7

Илмий маълумотлар

У. К. Худойберганова. Бердахнинг эстетик қарашлари	11
С. Маджи, И. А. Қастанье Ўрта Осиёнинг тарихчиси сифатида.	14
Б. Х. Матбобоев. Шимолий Фарғонанинг қадимги мозорларини ўрганишга доир (Фовасой ва Косонсой ҳавзалари)	19

Фан янгилклари: изланишлар, топилмалар, кашфиётлар

К. А. Олимов, Г. И. Богомолов. Қавардон харобасидаги янги топилма	23
---	----

Манбашунослик

Б. С. Хўжаева. XVI—XIX аср Ўрта Осиё тарихи бўйича ҳужжатлар тўплами	26
А. Зиёев. «Маосири Оламғирий» тарихий манба сифатида.	30

Тарихшунослик

Д. А. Олимова. 20—30-йиллар Ўзбекистон маданияти тарихшунослигидан	34
--	----

Ахборот

Ғ. Абдумажидов. Ички ишлар вазирлигининг Олий мактабидаги илмий тадқиқотлар ҳақида	38
--	----

СОДЕРЖАНИЕ

А. Х. Хикматов, В. М. Шепелев. Вопросы финансирования инвестиционной деятельности в условиях перехода к рынку	3
А. Г. Каххаров. Некоторые социологические аспекты региональных экологических проблем (По материалам конкретно-социологического исследования)	7

Научные сообщения

У. К. Худайбергенова. Эстетические взгляды Бердаха	11
С. Маджи, И. А. Кастанье как историк Средней Азии	14
Б. Х. Матбабаев. К изучению древних могильников Северной Ферганы (бассейны Гавасая и Касансая)	19

Новое в науке: поиски, находки, открытия

К. А. Алимов, Г. И. Богомолов. Новая находка с городища Кавардан	23
--	----

Источниковедение

Б. С. Ходжаева. Сборник документов по истории Средней Азии XVI — XIX веков	26
А. Зияев. «Маосири Оламгирий» как исторический источник	30

Историография

Д. А. Алимова. Из историографии культуры Узбекистана 20—30-х годов	34
--	----

Хроника

Г. Абдумаджидов. О научно-исследовательской работе в Высшей школе МВД	38
---	----

НАШИ АВТОРЫ

- Хикматов А. Х.** — член-корреспондент АН РУз, директор Института экономики АН РУз.
Алимова Д. А. — доктор исторических наук, руководитель НИК «Очерки истории исторической науки Узбекистана 20—30-х годов» Института истории АН РУз.
Богомолв Г. И. — кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института археологии АН РУз.
Зияев А. — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз.
Қаххаров А. Г. — кандидат философских наук, докторант Института социально-политических исследований РАН.
Матбабаев Б. Х. — кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института археологии АН РУз.
Шепелев В. М. — кандидат экономических наук, ученый секретарь Института экономики АН РУз.
Алимов К. — научный сотрудник Института археологии АН РУз.
Маджи С. — аспирант Института истории АН РУз.
Ходжаева Б. С. — аспирант Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз.
Худайбергенова У. К. — аспирант Института философии и права им. И. М. Муминова АН РУз.

Редактор *И. Ильясова, М. Шамсутдинова*
Технический редактор *Л. Тюрина*

Регистр. № 114. Сдано в набор 18.08.93. Подписано в печать 15.09.93. Формат 70×108^{1/16}. Бумага газетная. Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 3,85. Усл. кр. отт. 4,06. Уч.-изд. л. 4,5. Тираж 545. Заказ 121. Цена 10 р.

Издательство «Фан» АН РУз: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Изд-ва «Фан» АН РУз: 700170, Ташкент, проспект акад. Х. Абдуллаева, 79.

40 р.
10 р. для индивидуальных подписчиков

ИНДЕКС 75350
75349

ISSN 0202—151X. Общественные науки в Узбекистане. 1993 г. № 6